

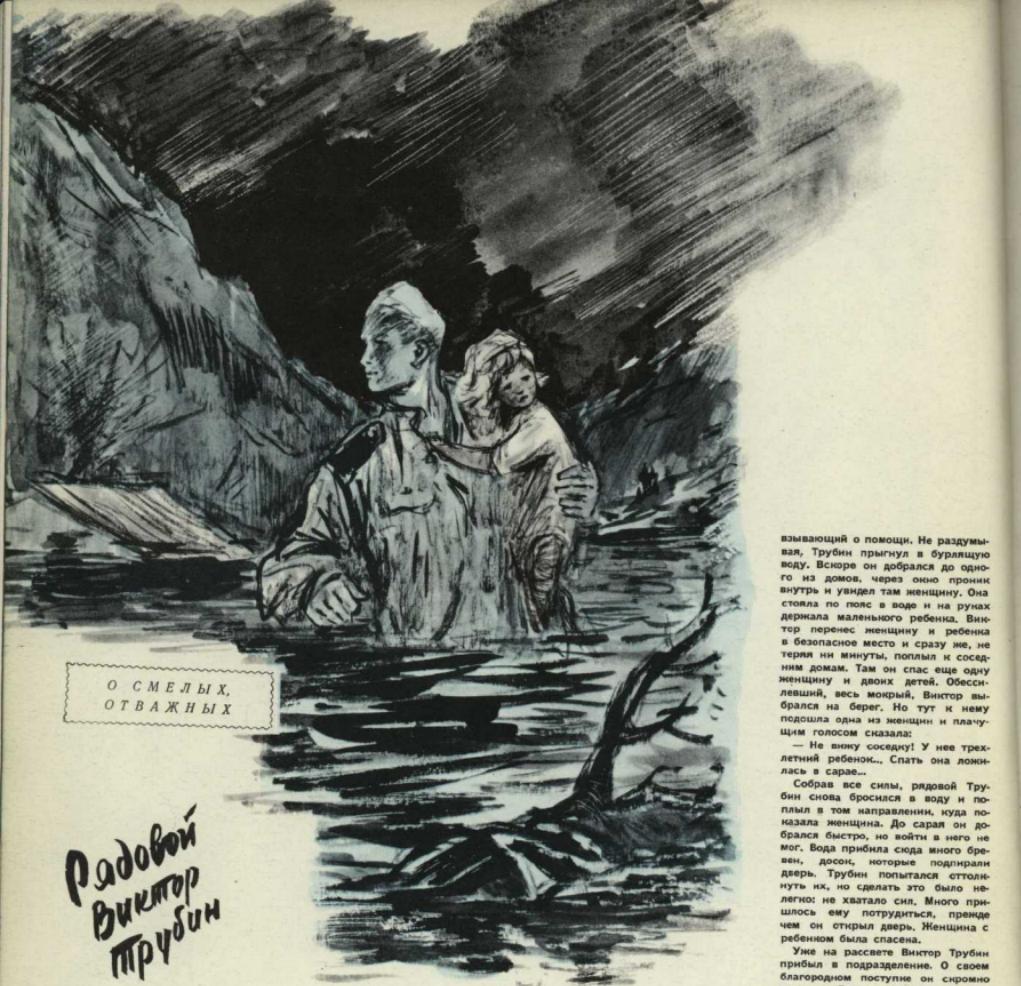

СМЕНА

4

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О СМЕЛЫХ,
ОТВАЖНЫХ

Рядовой Виктор Трубин

Однажды на них командача Н-ской части пришло письмо. Авторами его были жители поселка Якорная Щель, Лазаревского района, Краснодарского края.

«Товарищ командир, — говорилось в письме, — сообщаем вам, что во время ливня наш поселок оказался затопленным. Дети и женщины, находившиеся в домах, угрожала смертельная опасность. Ваш солдат Трубин Виктор Андреевич рискуя жизнью, спас детей и женщин.

Просьба вас передать ему большое спасибо от всех нас. Приносим

большую благодарность и вам, товарищ командр, за воспитание такого мужественного воина.»

Весть о поступке комсомольца Виктора Трубина быстро облетела все подразделения. Однополчане поздравили храброго солдата, распрашивали его, как все произошло.

...Весь день над поселком Якорная Щель светило солнце, небо было чистое, и только под вечер на горизонте появились белоснежные облака. Потом неожиданно налетел шквальный ветер, зловещая черная туча закрыла все ущелье. Раскаты грома сотрясли

окрестности, хлынули проливной дождь.

Рядом с поселком протекала небольшая речка. Потоки воды, несущие со собой грязь, быстро наполнили речушку, и она, выйдя из берегов, затопила поселок.

В это время связист рядовой Виктор Трубин возвращался с линии в подразделение. Машинка, на которой он ехал, остановилась у речки в том месте, где совсем недавно был мост. Сейчас тут Kloko-tali волны, и вода с каждой минутой все прибывала и прибывала. Внезапно откуда-то снизу до слуха бойца донесся чей-то голос,

взывающий о помощи. Не раздумывая, Трубин прыгнул в бурлящую воду. Вскоре он добился до одного из домов, через оконо проник внутрь и увидел там женщину. Она стояла в пояс в воде и на руках держала маленького ребенка. Виктор перенес женщину и ребенка в безопасное место и сразу же, не теряя ни минуты, поплыл к соседним домам. Там он спас еще одну женщину и двух детей. Обессиленный, весь мокрый, Виктор выбрался на берег. Но тут к нему подошла одна из женщин и плачущим голосом сказала:

— Не вину соеди! У нее трехлетний ребенок... Слыши она ложилася в сарае...

Собрав все силы, рядовой Трубин снова бросился в воду и поплыл в том направлении, куда поднялась женщина. Да сарань он добрался быстро, но войти в него не мог. Вода ушибила сюда много бревен, досок, которые подняли дверь. Трубин попытался оттеснить их, но сделать это было налегке: не хватало сил. Много времени прошло, чтобы он сумел открыть дверь. Женщина с речки всплыла и схватила его за руку, чтобы помочь ему подняться, прежде чем он открыл дверь. Женщина с ребенком была спасена.

Уже на рассвете Виктор Трубин прибыл в подразделение. О своем благородном поступке он скромно умолчал. В части узнали об всем животрепещущем поступке письма жительницы поселка Якорная Щель.

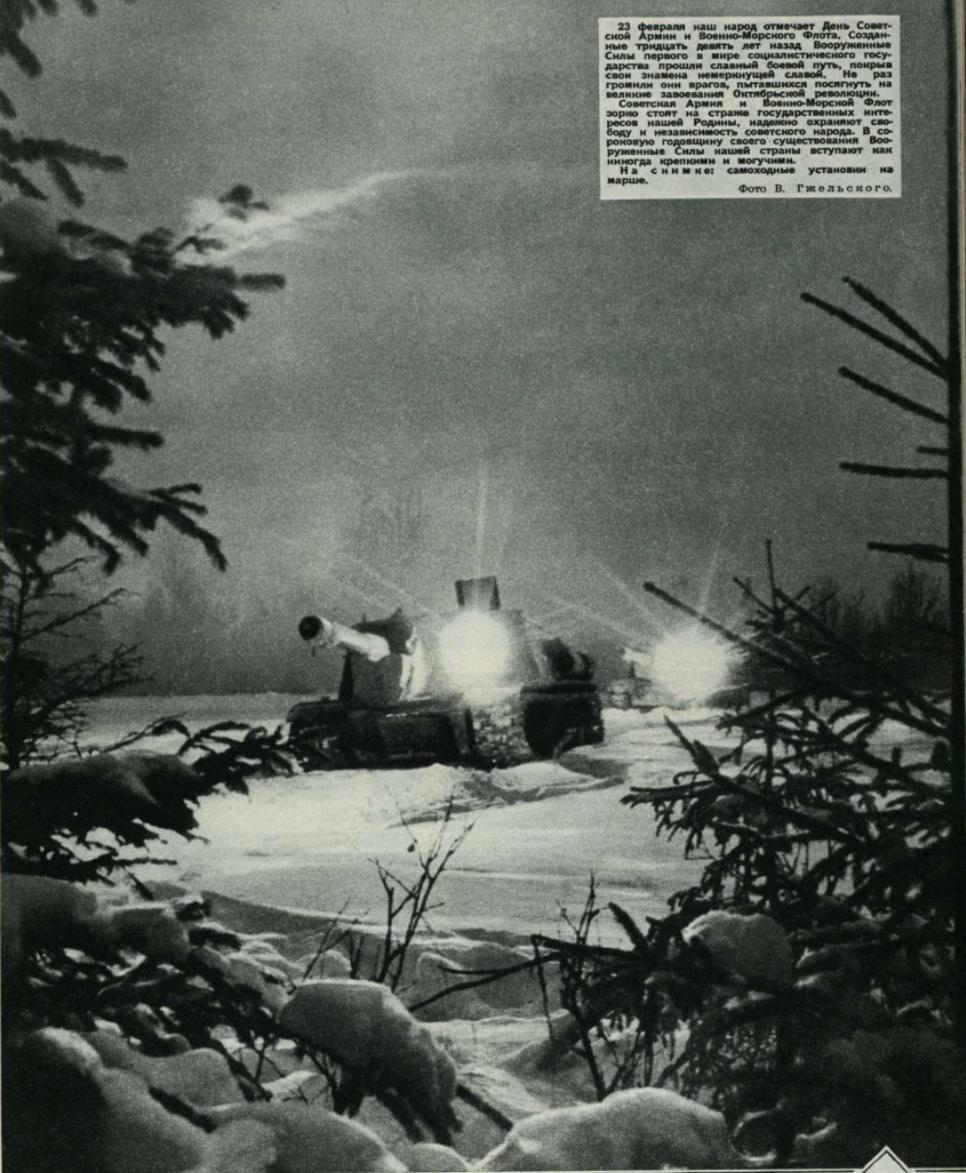
Сейчас комсомолец Виктор Трубин служит связистом в той же части.

Советское правительство высоко оценило мужественный поступок воина. Недавно Указом Президиума Верховного Совета СССР за самоотверженность и мужество, проявленные при спасении людей во время стихийного бедствия, рядовой Трубин Виктор Андреевич был награжден орденом Красной Звезды.

Однополчане горячо поздравили своего товарища с правительственной наградой и пожелали ему новых успехов в ратном солдатском труде.

Майор М. НИКОЛАЕВ

Рисунок В. Каменского.

23 февраля наш народ отмечает День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Созданные тридцать девять лет назад Вооруженные Силы первого в мире социалистического государства продолжают блестящую боевую славу. Не раз громили они врагов, пытающихся посягнуть на величие нашей Отечественной Родины. Советская Армия и Военно-Морской Флот зорко стоит на страже государственных интересов нации. Родина надменно демонстрирует свою независимость советского народа. В сороковую годовщину своего существования Вооруженные Силы нашей страны вступают как никогда крепкими и мощными.

На снимке: самоходные установки на марше.

Фото В. Гильского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального комитета ВЛКСМ. Февраль. № 4. 1957 год.

Год
издания
34-й

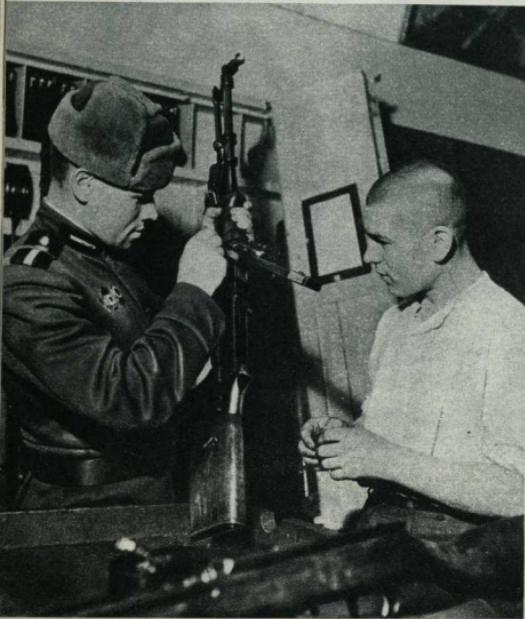
МЫ СЛУЖИМ РОДИНЕ

Фотохроник В. Тюжнёва
и Б. Эдельфельда.

Всего минуту назад снимок поле казалось пустынным. Но вот из ночной темноты выросли фигуры солдат, и началась стремительная атака...

— Ничего не скажешь, оружие почищено отлично! — похвалил рядового Алексея Русанова гвардии старшина Шестиперов. В ночном «бою» этот солдат действовал умело. На верхнем снимке мы видим его с ручным пулеметом в руках.

Каждый день нашей Родины насыщен яркими событиями. Полной

строгости народ, строгий коммунизм. В городах, селах, в лесах, в рабочих поселках во многих семьях поутру, прекращающих свою работу, стоят завтракать, вспоминают: «А как там наша Петя?» или: «Что происходит, сейчас Володя делает?». Это говорит о сыновьях, которые служат в армии, крепят оборонную мощь нашего социалистического государства.

Накануне Дня Советской Армии наш корреспондент побывал в И-ской воинской части. На страницах журнала мы рассказываем сегодня о буднях воинов, о том, как они совершенствуют свое боевое мастерство.

Командир не только строгий, требовательный воспитатель воинов, он их друг и советчик. Офицера А. Глининна можно часто видеть и в солдатской читальне и в казарме. Вот он беседует с сержантом Е. Бонкиловым, который обратился к нему с волнующими его вопросами.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

НА МАРШЕ

В долине сбитых обочин стеною
Ольховые встали кусты.
Во рту пересохло от зноя,
Походные флаги пусты.

Земля запеклась, словно камень.
Ни тучки. Погуденный час.
— А ну, запевай! — над рядами
Летят командирский приказ.

Команда — великое дело!
Под гром пропыленных сапог
Еще неокрепший, несмелый
Повел и повел тенорик.

И словно повело горьким
Дымком фронтового костра,
И словно по этим пригоркам
Проходит иная пора.

Ах, что это, право, за песня:
Услишь — и сердце замрет!
Лихой отделился в Попесье
Сложил ее в памятный год.

Ушел на разведку он ночью,
Погиб отделенный в бою...
А песня его, как сверхсрочник,
Шагает в солдатском строю.

С прилемом и поясницом хлестним
Ее, боевую красу,
Подхватят легко подголоски
И сто километровнесут.

Расправив мальчишеские плечи,
Поет и не знает боев,
Что автор той песни — разведчик,
С войны не пришедший отец.

Иван ПУЩИН

СОЛДАТ

Его недавно звали «новички».
Теперь солдат
Пройдет огнь и воду.
Бесшумно сможет подобраться
к доту.
И знает он, что значит марши-
бросок.
Идет в строю с оружием
рядовой.
Пусть не бывал он
В схватке грозовой,

В чужие с боем не входил
траншеи;
На стрельбище пробитые
мины —
Свидетельство о выучке его.
И видят он идя сейчас в строю,
Отчизну всю — Москву, хлеба
Алтая...
И хоть она огромная такая,
Но он, случись тревога боевая,
Примросят сердцем
Всю ее в бою!

Николай ПОЛИВИН

РАССВЕТ

Дверь ночи распахнул рассвет,
Но темнота, с лучами споря,
Швырнула пригоршни монет —
Звезд —
убылывающиеся морю.
Мол, залпау,
лишь отступися!
Но солнца диск, тугой и жгучий,
Из моря вынырнул, повис
Над желто-бирюзовой тучей.

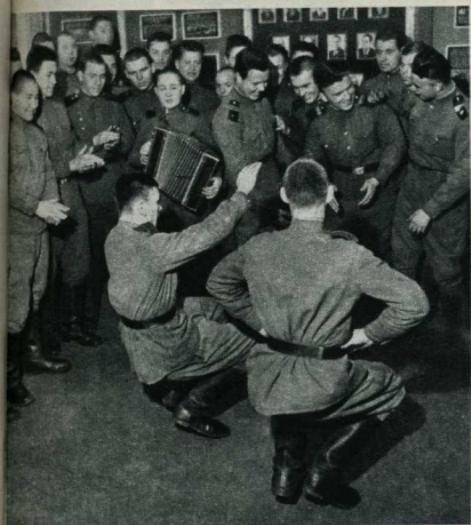
И сразу засграла медь,
Как в цирке фокусник,
лучами.
А за кормой бурун — медведь —
Косматой головой качет.
День — в миллион горячих сия —
Шагнул походкою матроса.
И бояцам радугу пустил
Над палубами из насоса.

ОЖИДАНИЕ

Алеет кружео задумчивых
акций,
Закат дорогу стелет на Восток...
Сегодня ей опять с радиостанции
Передадут голубянный листок.
На нем радиста твердою рукой
Набросано два слова:
«Жив. Здоров».
Но в двух словах она прочтет
такое,
Что не прочтут другие в сотне
слов.
Прочтет, как бура, завывая
волком,
В брюно наотмашь пенной папок
Бьет;

Как я, сменившись с вахты,
долго-долго
Гляну на фотографию ее.
И это значит,
что люблю.

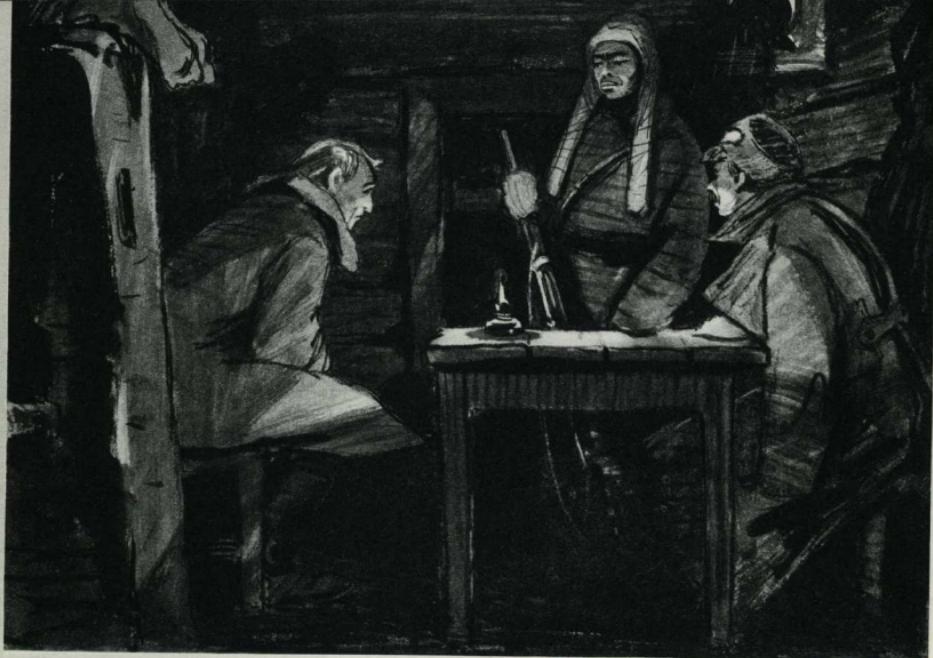
Что помню,
Что глаз ее на свете нет родней!
...И, дверь разину, бежит она из
комнат
К акциям, где мы прощались с ней.
А в небе тучи черные толпятся,
И шарф заката плотно их обвяз...
Но что гроза для молодых
акций!
Что значит расстояния для
любл!!

После напряженной боевой учебы наступают часы отдыха. Зазвучала гармонь, и рядовые Иван Жионлев и Владимир Григорьев пустились вприсядку.

Нет большей чести для воина, чем стоять на посту у знамени, ований боевой славой. На этом снимке запечатлен момент смены часов: рядовой Геннадий Орлов сдает пост солдату Николаю Янинову. Оба воина — отличники боевой и политической подготовки.

Август ЯВИЧ

Рисунок А. Ливанова.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Рассказ

С он внезапно сразил С комиссара. Он заснул, сидя за столом, и его не разбудили ни тягучий скрип двери, ни ворочавшаяся острая спираль лампы на подсвечнике, ни сипловатый, прорыкающий голос пошедшего в избу китайца. Потоптавшись на месте, китаец со стуком опустил на пол винтовку.

— А-а, товарищ У Чан-сюо,— сказал комиссар, резко подняв голову.— Устал я, брат, устал...

У Чан-сюо сочувственно кивнул.

— Определил пленного в штаб. Звонили оттуда, приказали доставить немедленно. Погрешился с пойдешь. Дорогой, спасибо!

У Чан-сюо опять молча кивнул, не сводя с комиссара Тимофея умных глаз.

Китаец был мал ростом, приземист, в коротком тулупе, валенках и в малахах с длинными ушами.

Комиссар подал ему кисет. У Чан-сюо ловко свернулся «кошью ножки», прикурив от коптилки, вбрав цигаркой почти весь огонек, так что ни миг в избе стало совсем темно, сплюнув попавшие ему в рот махорочные крошки. Комиссар тоже закурил и, чтобы разогнать все эти вони, одевавшую его дремоту, глубоко затянулся, выдохнув облака дыма, которые в течение последних недель вконец измотали его. Он не помнил, сколько времени не спал—недело, месяц или больше. Ему казалось, что с самого дёйства он еще ни разу не высы-

пался как следует. То, бывало, отец будил его спозаранок, чтобы сын успел в школу—за четыре версты от рудника; то, помнится, когда подрос, пошел в конгоны, и опять приходилось вставать до солнца. А потом тяжкий труд в штольне среди грохота отбивных молотков и тусклого света «эммушек»; а там война с синевой широты, грязью и вечным недосыпанием; Февральская революция с бесконечными демонстрациями, митингами, после которых садился голос; уличные бои в октябре, и снова фронт, и так вот лесцы без сна и отдыха... И усталость, накапливавшаяся годами, теперь словно слынула через край.

— Его живьем доставить надо,— сказал комиссар и умолк, попыхивая цигаркой.— Обязательно живьем,— добавил он.— Птица сервазия. Смотря за них в оба. Он по-русски говорил хорошо, но не русский. Это англичанин, понимаешь?

У Чан-сюо в третий раз молча кивнул. Он не был словоизящен, но прондерхивалась древней китайской мудрост: бояться слышать чужие слова и наблюдать чужое дело.

Взяв пленного — рослого, широколепечего малого с четырехугольной спиной, Нико на-двинулся на глаза фурзака иерусского образца с широким козырьком скрывающим верхнюю часть лица и оттеняющим, в особенностях подбородок с заметной рыжеватой щетиной. К сагомам его пристали облемденные куски снега, которые здесь, в комнате, оттавивали, оставляя на полу мокрый след.

— Ну, погодка! — сказал пленный, прямко и точно произнося русские слова.— Как говорится, добрый хозяин собаку не выгонит... Он снял фурзак и выпирал влажное

от растягивания смешинок лицо, красное, уставшее и недобродорное лицо сорокалетнего мужчины. Комиссар предложил пленному пристесь, и погреться, прежде чем двинуться в путь. Иметь беспокойство и недоумение в его глазах, он пояснил:

— Вы будете доставлены в штаб в целости и сохранности.

Но предстоящая «пешая прогулка» на исходе короткого зимнего дня да еще в сопровождении конвоира-китайца явно встревожила пленного. Он внимательно посмотрел на У Чан-сюо, но тут же не обернулся.

Для него ввести пленного в штаб было все равно, что для птицы ввести в воду. Но то, что выполнит это задание быстро и, стало быть, успеет вернуться как раз времени и послушать русские песни, которые по вечерам распевали бойцы. А песни У Чан-сюо любил, особенно любил про крестьянскую нужду и про любовь, и частенько сам тихо выводил: «Не осенняя мелкая дождичка...»

— Разрешите закурить,— попросил пленный.

Комиссар молча подвинул ему кисет.

Крепкий закури и закашлялся.

— Крепкий табак, эта русская махорка,— сказал он.— Прямо глотку раздирает. И все-таки славная вещь, пожалуй, не хуже русской водки.

Третьяго делали его многословным, даже болтливым. А вся обстановка деревенской избы: дрожащий свет коптилок, темный лик нико-и с разорванным пупсом ртом — усиливалась тревогу.

Захваченный при разгроме штаба белых, майор Джон-Фрэнсис Куллит не успел еще

примириться с тем, что он в плену. Это было чудовищно. И черт его дернул забраться чуть ли не на самую передовую!

Майор Куллит был нетrusливого десятка. Он немало побродил по свету: пробирался к берегам Гонга среди многомысльных толстоломников, прокладывая себе дорогу сквозь джунгли; раз слышал сохранившееся в Европе сказание о фараонах; забавлялся быстрой ездой на ринках в Китае и был гостем далай-лами. Словом, он повидал мир, и повсюду с ним обращались, как со знатным господином, и сам он чувствовал себя существом высшим.

И вот он, жалкий пленник, сидит на краю земли в русской, забытой богом деревенке, сидит, одурманенный собственным мечтательным дымом. Чувства тоски, страха и злобы, которые он так долго сдерживал и подавлял, вырываясь тут наружу, ослепили его гневом и яростью.

— Вы не должны забывать, черт взымы, что я поданный британской короной! — вдруг проговорил он с раздражением.

— А мы это знаем, — ответил комиссар. — Тем хуже для вас, что, болтая о невмешательстве, вы, как воры, лежите в чужую страну.

— Нас позвали — и мы пришли! — возразил Куллит с неостыдчивым возмущением.

— А вы и предъявили претензии к тем, кто вас позвал. Мы вас не звали, — промолвил наставник.

— Но мы живем в цивилизованном мире; я, ваш пленный. Вы должны обходиться со мной, как с пленным...

— Красноармейцы, которых три дня назад повесили белые, тоже были пленными, — сказала комиссар.

В глазах Куллита русский комиссар был не больше, как рабочий с большой дороги, посыпавший на кошелек старину. В свою очередь, Куллит, как русский комиссар, был волоцением милитаризма, разбросанным, виновником народных бедствий и страданий. Это были непримиримые враги.

Майор Куллит упавшим голосом напомнил комиссару о гуманности, намекнув, что он кое-что знает и может быть полезен.

— Потому-то мы с вами и в孜мыши, — откровенно и просто ответил комиссар. — Не бойтесь. Вы будете доставлены в штаб непредметно.

У Чан-сэо моря кудри, уставясь на колеблющийся огненный колпак, и глаза его тепло искали: кто знает, какие мысли и воспоминания пробудят в душе его этот сладкий, дрожащий, неизвестный огонек. Может быть, он видел длинную каменистую тропу, по которой когда-то уходили из родного селения три брата, все оглядываясь на синий холм с воздушным храмом на вершине. Может быть, он думал о старшем брате, наивысшем в солнечные даты к северному генералу У... и на южного однодомника, виновника ришие, которого звали наследником белых господ...

Также и у Чан-сэо, самый младший из братьев, ушел из пределов своей родины, не давшей ему горсти риса, чтобы прокормиться. Долго жил У Чан-сэо в русской тайге, промышляя охотой, потом работал в городской прачечной, где хозяин-китай выкидал из него пот, как воду из мокрого белья.

Когда свершилась Октябрьская революция, он добровольно вступил в Красную Армию. Впервые в жизни он увидел себя в оби. Мало того, он увидел себя капитаном. Его не обманывали, с ним считались. В частях он был единственным китайцем, но никогда не чувствовал себя одиноким. И он воевал, не щадя своей жизни, которая, по его убеждению, стоила гораздо меньше того, что он получал от Советской власти. Комиссар Тимофеич постоянно внушил ему мысль, что на русской земле идет война за свободу и счастье всех угнетенных людей, независимо от цвета их кожи, что скажется вдаль от границ Китая. У Чан-сэо сражается и за свою угнетенную родину.

У Чан-сэо отвел взор от колпака, и глаза его, сияющие задумчиво и печально, словно погасли. Но стояло ему взглянуть на плененного, как они снова вспыхивали недобрый, мрачный огньком.

Майор Куллит предпочел бы в качестве конвоира русского. Попав в плен, он был уверен,

Выборы в местные Советы депутатов трудающихих вызвали во всех уголках нашей страны новый политический и трудовой подъем. Многие тысячи юношей и девушек впервые поборются к избирательным урнам и вместе со всем советским народом отдадут свои голоса за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. На снимке: группа молодых избирателей у одного из агитпунктов Москвы.

Фото Г. Борисова.

что раз большевики не расстреляли его сразу, значит, ему нечего опасаться. Встреча же с конвойором — это, конечно, требует от него изверненно-храброго демонического китайца, в котором голоса сквозили чистая ненависть, что лавиной невольно повиновалась.

У него даже мелькала мысль: не этого ли китайца, когда-то бежавшего в упражне, он непременно подгонял ударами трости?

— Ну, погрелись, ступай! — сказал комиссар пленному.

Куллит нерешительнее поднялся, надел фуражку и пошел к выходу. За ним двинулся у Чан-сэо. Тени их проектировались на стене, спились в дверях и ис��али в темноте. Чан-сэо считал, что до штаба десь ли, то еле сколько шагов. Если пойти прямиком, целых три ли можно срезать. Но у Чан-сэо предпочел более длинный, зато и более надежный путь.

Наступил вечер. Снег резко скрипел под ногами. Коегдай в разрисованные мерзом, словно оклеенные изнутри бумагой окна пробивался желтый свет. У Чан-сэо от этих освещенных окон, сущими углами тепла, было тепло и светло, и он заснул.

И здруг Куллит заговорил с конвойором по-китайски. У Чан-сэо оторопел. Потом его лицо расплылось в самую добродушную и приветливую улыбку: он ведь так давно не слышал родной речи. Но вот улыбка растягивалась в угрюмых складках по краям рта.

Пожалуй, ни следовало бы майору Куллиту показывать, что он знает китайский язык. У Чан-сэо был человеком обиженным и недоверчивым. Он встречал белых господ, которые отлично говорили по-китайски и дурно

образовались с его согражданами. У Чан-сэо начался самый неожиданный выезд: остановился, достал из кармана веревку и молча подступил к пленному.

Майор Куллит опешил и даже отшатнулся.

— С ума ты спятил! Взять пленного! Комиссар тебе за это спасибо не скажет.

Но конвой разрезонно ответил:

— Моя тут комиссар...

Такая представительность с его стороны казалась ему не ладом. В самом деле, мало ли что можно ожидать ночью в белоземном месте от этого здоровенного и хитрого англичанина!

Пленный попробовал было убедить китайца в бесцелности его затеи: куда может уйти безоружный человек, когда кругом сопки и форт болт встык как далек! Но конвой стоял на своем:

— Виждь буди вахза...

Он спешно отвел Куллита руки за спину, прядя на них кожаные на межу перчатки и стянув крепким узлом, так что пленный даже охнул. У Чан-сэо решил было ослабить веревку, но раздумал: пусть так — меньше болтать будет. Потом конвой, не пронзивши ни слова, отстегнул свою ремень, проделал его под локоть пленного, закрепил пряжку, а конец ремня обмотал вокруг своей руки. Он растягивая пальцы, сжал пленника и, зайдя вперед, потянул пленного на поводу.

Китайский зреял еще виделось село, но из-за исchez последний огонек, кончилась лощина, скатая с двух сторон сопками, открылась вязлая, осыпая роем стеклянных осколков, вязлая...

Вдруг порывисто задулла пурга, засвистела, взвыла, осыпая роем стеклянных осколков, вязлая...

крутилась вихрем, понеслась, заметая огромным веером следы к винтовке и дробовику.

Мигом стемнело. У Чан-сю ни огнемышался, инстинктивно угадывая нужное направление.

Жужущие порывы ветра все чаще заставляли конвойера и пленного останавливаться. Вокруг бушевало море снежной пыли, порой серебрясь в лунном свете, вспыхивавшем на короткий миг, когда луна на секунду высекала из-за хмеля, чтобы тотчас вновь нырнуть и исчезнуть.

— Ну спешь ты! — проговорил пленный, тяжко дыша.

Но конвойор то ли не расслышал, то ли притворился, что не слышит, продолжая шагать и тянуть за собой пленного. Вдруг он остановился, услыхав, но тотчас же всхлипнул, и майор Куллит с злобной горечью подумал, что «красокский дьявол» силен и вынослив, тогда как он, Куллит, уже устал и обессилен.

Сознание своего одиночества и беспомощности утешило его отвращение к конвойору, и он злорадствовал, когда китаец отступал, склонив голову.

«Так тебе и надо, гнилая образиной!» — мысленно ругал он китаца в своей безразсудной ненависти.

У Чан-сю опять споткнулся и увлек за собой пленного. На этот раз конвойор поднялся не сразу, а доложил, что минуту простоял на коленях, покачиваясь, точно на молитве. Пленный сам встать не мог.

— Развязки руки! Ты Азиат! — крикнул Куллит, лежа ничком.

Но голос его растворился в буйном вихре звуков.

У Чан-сю потянулся над пленным, помог ему подняться, проверил, не слыши ли зеваки, заметил, что перчаток на руках пленного уже нет, и растер ему горсть снега закоченевшие пальцы. Он рассуждал разумно: ведь ежели пленный начнет замерзать, то кому же, как не ему, конвойору, придется тащить его на себе!

Конечно, У Чан-сю на крайний случай мог бы его прикончить, если бы не приехал комиссар — конвойор он уважал.

Прошли минуты. Куллит ощущал, как отогреваются пальцы рук и как распространяется по всему телу тепло. Он вздохнул и снова заговорил по-китайски, жалаясь: «Быть не стало рассеять подозрительность и недоверие конвойора. И опять старый колониальный зубр, привыкший действовать либо кнутом, либо принуждением, промахнулся. Он сказал, что всегда был другом Китая и единственным о чем жалел — это о том, что китаец слишком много, а земли у них слишком мало и поэтому им тесно и скученно живется. В забвении этический вопрос конвойора развязал ему руки.

Конвойор не удостоился ответом «белого господина», лишь усмехнувшись, загадочная и недобрая, растянула обледеневшую кожу его лица. Он двинулся вперед, волоча пленного на привязь, словно непокорную, упрямую скотину. Тогда избешенный Куллит набросился на него с другими словами, обзываая его «могильщиками» и даже «черепахой». Но У Чан-сю молча покосился пред собой, подумал, что привильно поступил, оставив пленного. Неожиданно он стал созирать с по стороны, потом опустился на снег, что-то ощупывая.

— Что, следы нюхавши? — зловещо пошутил Куллит, еще не понимая, что У Чан-сю потерял дорогу...

Так они тащились, увязая по пояс в снегу, то приближаясь к сопке, то удаляясь от нее. Иногда У Чан-сю становился на колени и шарил задеревеневшими руками в снегу. Близилась полночь, метель выдохлась и лишь по временам набегала судорожными, очень глубокими волнами.

У Чан-сю шел безостановочно. Он еще верял, что доберется на дорогу. Пленный же не во что больше верил. Он вздохнул, земли склонно расползались под ногами.

Как бывает в последние мгновения перед надвигающейся катастрофой, он вдруг почтительно прописал спокойствия, ясности и решимости. С грубой и властной самоуверенностью, неотразимо действовавшей некогда на рабиков и дикие умы, он приказал китаец развязать ему руки. Он сказал ему, что ради собственного спасения китаец должен это сделать, что он, Куллит, никуда не уйдет и

что вдвоем они выроют яму в снегу и переждут в ней до утра.

То, что он предлагал, было убедительно и разумно. Но Чан-сю не соглашалась, инстинктивно угадывая нужное направление. Жужущие порывы ветра все чаще заставляли конвойера и пленного останавливаться. Вокруг бушевало море снежной пыли, порой серебрясь в лунном свете, вспыхивавшем на короткий миг, когда луна на секунду высекала из-за хмеля, чтобы тотчас вновь нырнуть и исчезнуть.

— Ну спешь ты! — проговорил пленный, скажав по-русски:

— Моя бога, твоя бога — разный бога. Моя твоя не желко. Моя моя жалко. Тайга горячка, моя жалко. Такая закона. Комиссара приказала.

Конвойор к пленный не замечал, что уже давно остановился и притопывал на месте.

Куллит стоял поноской русского комиссара и насмехался над китаецем, называя его жалким наименком, отребьем, продажной шкурой. Он не подозревал, как много значи для китаец русский комиссар, пробудивший в нем достоинство и самоуважение и по-новому объяснивший ему и миру, и жизни.

щилась теплая деревенская изба и смуглый лик иконы с разорванным ртом. Ветер трясал волосы на голове его, и Куллит понял, что потерял фурштак. Вместе с холодом, пронизвшим его насквозь, в сердце вошел предсмертный страх. Какая-то силы толкнула его вперед к теплу и свету, и он побежал, но тут же свалился, умирая со знаниями, что с ним и где он.

Он увидел горящий камни, занявший барабанным отсветом полумрак галереи, увещанный портретами предков в рыцарских доспехах, и портрет сэра Джексона, с которого где-то на востоке содрали кожу с живого... Но миг он очнулся оттого, что кто-то пинал его ногой в лицо.

Он конвойор размежевал и методично бил его скакавшего пленника. Он был его за то, что тот посыпал кашу на русского комиссара, за то, что ругательства ругал У Чан-сю, за то, что одного брата заездили насмерть, а другого загнал в бацлаву.

Понемногу У Чан-сю успокоился и задумался: как же ему быть теперь с пленным? Попробовал взвалить англичанина себе на спину, но тотчас же упал под тяжестью ноши. Тогда он снял с плеча винтовку и, работая ею, как лопатой, разгреб снег, скатил майора в обгоревшую яму и засыпал его снегом. Несмотря на то что снега было мало, он толпался на месте, не зная, что ему дальше делать, потому выстриг несколько раз в воздух, пролет на снег, поставил винтовку между колен и привязал ее всей своей тяжестью к снежному холмикам.

Он сидел, борясь с подкрадывающейся дремотой, и неожиданно совсем рядом услыхал выстрела. Может быть, это запоздалое откликнулось на его сигнал?

«Нет, — мысле идет комиссар», — сказал он себе, понимая, что надо отдохнуть, но у него уже не было сил. Он попытался сбросить кольдовские чары сна. Создание его не замутилось, но уже было полно призраков, и перед сонным взором его вставали картины далекой и невозвратимой поры. Он увидел свою родину деревню на берегу реки, и паду году на вершине холма, где горели ароматические свечи, и отца в белой траурной одежду.

У Чан-сю был темный человек; он верил в силы света и в силы темноты, в вечные борьбы и вечных конфликтов сущего и небытия, вспоминая то к добру, то к злу. Он поборол «бессмертных», как называют в Китае зомбиров, знахарей, астрологов, гадальщиков. Отец научил его тем третью — четырьмя десяткам иероглифов, которые сам знал. С этими скучными познаниями У Чан-сю вступила в жизнь, полную нужд, лишений, горестей и обид. Среди людей, принадлежавших к фамилии У, было немало бедных, знатные и простолюдины, было беднее и ничтожнее У Чан-сю. Его в детстве называли «какса» за малый рост, за доброту и невинность привыка. Его любили. Он вырос и стал красивым юношей, но него заглядывались девушки. Он родился в октябре, а, по народному поверью, октябрь — несчастливый месяц. Может быть, судьба У Чан-сю оправдала бы это поверье, если бы не русский комиссар, утверждавший, что все бедные люди на земле сынова родились в октябре 1917 года.

На краю сна У Чан-сю, что бывал с замерзающими, он очнулся. С винтовкой на плече встал бледный, туманный рассказ. Глядя во мглу, подернутую плюзовой тенью, У Чан-сю сказал:

— Моя умирая, товарищ комиссар... Умирай!... И опустила голову.

Тотчас его снова обступили видения и призраки, ветер затягивал над ним, затягивал, загорялся, и уши его звонили прятанным звоном, роняющим драгоценные и мелодичные звуки, как отзвук праздничного гопака. У Чан-сю увидел веселые шествия народных праздников, песенки и пляскиами в день праздника Дракона, увидел брата среднего и брата старшего. Взывши за руки, три брата радостно шли по дороге, поднимавшейся в гору...

Это было последнее чувство, испытанное У Чан-сю в жизни. Его настигла на рассвете в трех шагах от дороги. Он сидел, засыпанный снегом, замерзший, с открытыми глазами, одной рукой обнимая винтовку, а другой скимал конец ремня, уходившего под белый холмик — к живому, отогревшемуся в снегу пленнику.

ГЕРОИ ТРИПОЛЬЯ

ФОТО В. ЛЕВИТИНА И Н. ЧАЙМОВСКОГО.

Автор публикуемых воспоминаний Матвей Бенешевич Дубасов — один из шести оставшихся в живых участников геройского Трипольского похода киевских комсомольцев в июне 1919 года. В годы Гражданской войны он был военным комиссаром в Полтавском районе, комсомолом г. Киева. Ныне он кандидат технических наук, доцент одного из московских вузов.

ТЕЛЕГРАММА ЛЕНИНУ

В конце апреля 1917 года в одной из аудиторий Киевского университета собралось более тридцати юношей и девушек рабочих текстильных заводов, фабрик и мастерских, чтобы обсудить эти темы: Апрельские тезисы В. И. Ленина, Представление Киевского комитета большевистской партии Максима Максимовича Петрова (Самельяна) разъяснял молодежь суть антипародийной политики Временного буржуазного правительства и рассказал о требованиях великого вождя пролетариата В. И. Ленина — немедленно покончить с войной и передать всю власть рабочим и беднейшему крестьянству.

В тот же день в Петроград Владимир Ильинская послала следующую телеграмму за подписью руководителя инцизантской группы Союза молодежи Михаила Ратманского и Семена Мальникова:

«Союз молодежи горячо приветствует твои Ленин как лидером руководителя революционного пролетариата приветствует как истинного и стойкого борца за свержение нещадного капитализма, за социализм, который будет установлен в лице Вас революционных борцов Интернационала. Да здравствует революционный Интернационал! Да здравствует социализм!»

Киевская инцизантская группа из молодых рабочих по организации Союза социал-демократической молодежи».

Вскоре это приветствие было напечатано в «Правде».

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Выполнение директивы партии и В. И. Ленина, киевские рабочие 29 октября 1917 года начали вооруженную борьбу против контрреволюционных войск Временного правительства. Наставниками главных образцов из числа старейшин юношеских инцизантских группировок и эсеров-стачечников в ход конных заездов и час над рабочим районом Печерском начались аэропланы. Следом плывший круг, он через несколько минут скрылся в направлении арсенала. Это был сигнал к восстанию. Вскоре загрохотали орудия. Во многих районах города вспыхнули ружейная стрельба. Начались ожесточенные уличные схватки. Центром восстания стала базарная площадь перед арсеналом — здесь находились германские отряды. Рабочая молодежь, получив винтовки, спешно на линии огня. Всю ночь шел ожесточенный бой. Батареи артиллерии обстреливали штаб военного округа белых. На рассвете огни еще более усилились. Выждав удобный момент, рабочие отряды с криками «Ура!», «За власть Советов!» устремились в атаку. Начался штурм. Остались убитыми и ранеными, белые отступили. Ураганный огонь принудил их к капитуляции.

Телеграмма, посланная в Петроград на имя В. И. Ленина, сообщала о победе революции в Киеве. Участие в Октябрьском восстании явилось первым боевым крещением юных красно-гвардейцев — членов Союза молодежи.

НОВЯРЬСКАЯ НОЧЬ...

Ненастная новярьская ночь. То здесь, то там улицах непропащая мгла. То здесь, то там гулко звучат шаги патрулей. Киев, оккупированный немецко-австро-венгерскими войсками, спит тяжелым, тревожным сном.

По пустынной окраинной улице Лукьяновке, краудущей, от одного столба к другому, перебегают двое юношей. Первый из них — Павел Семенов — торопливо из бутылки брызгает на столб водой, а другой — Михаил Ратманский — наклоняет на них листочки.

Вдруг около Лукьянинской калитки тинктуру нарушивают отрывистые звуки тревожных сигналов и гудков. И тотчас же юноши окружают гайдамаков. Пользуясь темнотой, Миша успевает выбросить листочки, но бутылка с водой остается у Павла в кармане.

Комсомольцы-подпольщиками привели в штаб «Сердцем дивизии». Из обыскали, а потом допросили.

— Что это такое? — спросил хорунжий, вытаскивая из кармана у Павла бутылку с водой. — Несу большой матери святую воду! — умиленно произнес Павел.

Убедившись в достоверности документов «чиновников государственно-банка» Семенова, хорунжий отпустил юношей домой.

ЧЕРЕЗ ВРАЖЕСКИЙ КОРДОН

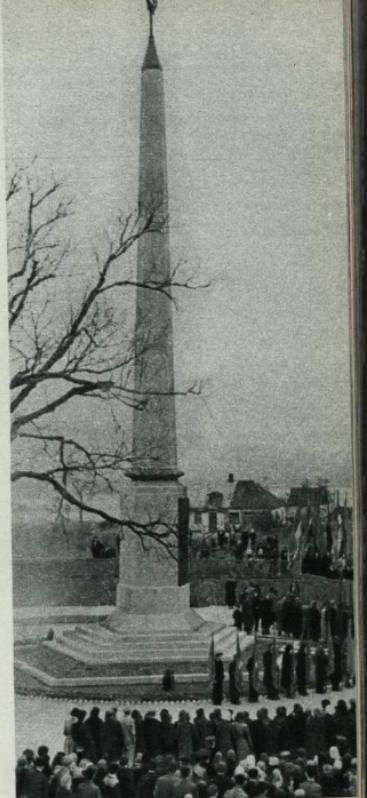
Ранним осенним утром из киевского заезжего двора выехала подвода. На ней расположилось трое пассажиров; выделены были один из них — шарманщик. Одев он был очень пестро, а в руках держал клетку с попугаем.

Приехав в город Клины, шарманщик начал развлекать музой шатающихся по базару пьяных германских солдат, мародеров-спекулянтов. А через несколько дней веселый шарманщик пересек кордон и очутился на советской земле.

Ото был киевский комсомолец Классовский. Он спешил в Москву, на первый Всеобщий съезд комсомола.

Участник Трипольского похода М. М. Дубасов и член подпольщиков Союза молодежи Михаил Гайдамак Георгий Арутюнян среди пионеров и комсомольцев села Триполье.

Осенью прошлого года на крутом берегу Днепра был открыт памятник героям Трипольской битвы.

Несколько дней спустя, 31 октября 1918 года, Классовский рассказал делегатам съезда о геройской борьбе украинской молодежи с немецко-австро-венгерскими оккупантами и германскими наимитами, передал пламенный привет величайшему Ленину и братьям-комсомольцам Советской России.

Съезд послал приветствие подпольному Украинскому Союзу молодежи, обещая братскую поддержку.

В НЕЗАБЫВАЕМОМ 1919-М...

Украинская земля горела под ногами врага. В городах то и дело вспыхивали забастовки, в деревнях и селах — крестьянские восстания. Народной борьбой против оккупантов, капиталистов и помещиков руководила Коммунистическая партия.

В грозные дни 1919 года, когда многие города и села были заняты австро-венгерами, сердце земли подняло угрозу над Киевом, мы, комсомольцы, собрались в клубе «Опытных коммюнистов» на свою конференцию. Среди делегатов — красногвардейцы, участники многих боев с юнкерами, гайдамаками, оккупантами. Многие из делегатов сидят в засыпанных блатухами: они пришли на конференцию прямо с заводов, из мастерских. Это люди, готовые в любую минуту вступить в бой с врагом за Республику Советов. Из-под залатанного пиджака секрета-

рь комсомольской ячейки Сидорчука выглядывал из кубара нагана, а из кармана брюк торчал ружьё гранаты.

После доклада Павла Семёнова о положении на фронтах гражданской войны выступил Михаил Ратманский — один из организаторов киевского комсомола, любимец рабочей молодёжи. Он прошёл суворую школу жизни, томился в царских застенках, не раз рисковал жизнью в подполье... Его речь была немого слова, но проникновенна. Когда он внес предложение: «Объявить весь союз молодежи мобилизованным и немедленно отправлять на фронт его сыновей, получивших в буре сражений. Все грехи и гримасы зверя в зале волнующая мелодия бозового пролетарского гимна».

Это есть наш последний и решительный бой.

Делегаты четко и торжественно, словно кликатура, произносили каждое слово «Интернациональ!».

Со всех сторон раздавались возгласы: — Революционный привет пролетарской России!

— Ура великой большевистской партии!

— Да здравствует Ленин!

Командиры и коммунисты постановили объявить весь Союз молодежи мобилизованным на борьбу с контрреволюцией. В этот вечер был организован отряд киевских юных коммунистов, в который записались также шесть девушек: Ординскую, Палей, Заваруху, Бирк, Левченко и Аронову.

НАЧАЛО ПОХОДА

Через несколько дней 2-й Караульный киевский полк, куда вляпался отряд юных коммунистов, выступил в поход на подавление контрреволюционного мятежа, поднятого бандой атамана Зеленова в районе села Триполье, недалеко от Киева. Эта многочисленная, хорошо вооруженная и сильная действовала в нашем тылу во главе с Деником Денисовичем. Она пресекла ему путь, прервав наши коммуникации, нарушив блокаду города продовольствием. Неожиданными налетами бандиты отвлекали силы красных.

Численное превосходство армии не поколебило уверенности коммунистов в победе, в торжестве правого дела. На наших алых боевых знаменах было начертано: «Жив жажди Радыниха Украина!», «Победа или смерть!», «Ни шагу назад!». И мы шли, не зная ни отдыха, ни

сна, готовые к любым испытаниям, преодолевать любые преграды.

В деревне Красный трактир сделали первый привал. Потом шли через село Теремки, Хото, Кременец, Глаздово, Колачевскую слободу. Вскоре произошла радостная встреча с бойцами интернационального батальона Красной Армии, в котором было много киайских добровольцев. Они тоже спешили на помощь отряду, действовавшему в трипольском направлении.

Столкновение с врагом началось разведкой боем. С южной стороны Конопачевской слободы раздались орудийные выстрелы. Засыпнутые вредными веществами замки, точно звезды в клякте. Наступление было сплошным. Под яростным натиском коммунистов враг дрогнул по всему фронту. По отступающему противнику был открыт ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Оставив на полях много убитых и раненых, бандиты бежали в сторону Ржищева.

Над Трипольем взмылся красный флаг.

НЕРАВНЫЙ БОЙ

Измученные многодневными боями, усталые бойцы разместились на откосах. Однако команда полка Солжанин, в прошлом офицер царской армии и зеф, не прыгал к тому, чтобы добить врага и укрепить оборону. Он притянул бдительность командиров. Это была черная измена. Зеленовские банды, отступив от Триполья, притихли и, получив значительное пополнение, готовились внезапно напасть на отряд.

Только по наставлению коммунистов и коммюнильных отрядов в сторону Ржищева были посланы разведчики, а на близайших господствующих холмах расставлены усиленные посты.

Жаркий юношеский день был на исходе. Далеко над вспыхивающими водами Днепра разносились радостные песни коммунистов. Когда же наступила вечер, неподалеку поднял застремляться к небу вспышки гранат. Поплыли темноты, зеленовцы неожиданно напали на красных бойцов.

Первой принял бой звягата во главе с Михаилом Ратмансским. Бессстрашно сражалась гордота отважных. Окруженные со всех сторон бандитами, коммюнильцы оказывали чрезвычайное сопротивление.

С возгласом «Да здравствует власть Советов!» Миша метнул гранату и вслед за этим

ТАМ, ГДЕ РОДИЛСЯ СОВЕТСКАЯ АРМИЯ

В семи километрах от Пскова, на небольшом холме у посёлка Лопатиново, стоит гранитный камень с надписью:

«Здесь будет установлен памятник на месте боев первых регулярных частей Красной Армии, которые 23 февраля 1918 года германские отряды, расположившиеся в Пскове и установившие пропаганду под германским флагом, разбились к колыбели пролетарской революции — городу Ленину».

Там, где сейчас обозначено место будущего памятника, красногвардейские отряды получили приказ о формировании регулярных войск Красной Армии.

В одном из таких боевых отрядов воевал и юный металлист пушечный рабочий Иван Обабьев. Сейчас он трудится на псковском заводе «Металлист». При встрече Иван Федорович рассказал нам:

— Когда объявили, что из добровольцев будет

сформирован Гдовский стрелковый полк, мы встретили этот приказ криками «Ура». Отряд пушечников, в котором состоял и я, стал первой ротой первого регулярного стрелкового полка. А мне выпала честь занять место правофлангового в своем роте.

23 февраля наши полки провели вступление на хорзининскую землю в Пскове вильельмовских солдат и русских белогвардейцев. Псков был обложен.

Когда Гдовский полк вошел в город, на центральной площади ему было

вручено боевое красное знамя ВЦИКа.

Принимал знамя, бойцы поклонились склоне умереть, чем когда-либо отстутили перед врагом, посигнующим на молодую Советскую Республику.

— За последние годы, — сказал в заключение Иван Федорович, — я часто посещал родной мой полк. В 1925 году был там на праздновании Дня Советской Армии. Как первому солдату Гдовского полка командир вручил мне гвардейский значок.

В. БОРОВИК

выпустил несколько пулей из браунинга в приближающихся к нему зеленовцам. Последние остановились.

Лишь ринулись на остальные заслоны, но те сразу были отбиты.

Целую ночь боя было убита ее подруга Завицкая. В ночном бою было убита ее подруга Завицкая. С каждым часом редели ряды коммунистов. Сказывалось численное превосходство противника: на одного красного бойца приходилось по десять — двенадцать бандитов. Предательство командира, недостаток боеприпасов и продовольствия вконец ослабили отряд.

Но рассвете у положения Трипольских холмов началась штыковой бой. Одна из окрестных рукояти скакунов прорвались к земле героям. Вот сраженный ударом штыка упал Сидоренко. Умрия, он забыл виться на ногу бандита. Вот с криком «Слава!» зеленовцы окружили племянницу Орликову. Но девушка подорвала гранатой свою «Максим», и рядом с изуродованным телом героини замерзло слаялись несклонной бандитов.

При поддержке Днепра, коммунисты продолжали вести неизнаный бой. Вот группа всадников, выскочив подиа пробитые пулами красное знамя, бросилась вперед, чтобы спасти боевую скакунью подруги. На середине реки знаменосца настигла вражеская пуля. Но тотчас же знамя подхватил другой боец. Отстрелявшись до последнего патрона, стоя на горде в воде вместе с коммунистами героически защищал знамя полка китайский доброволец Го-гунь, молодой рабочий-шахтер. Храбро сражался он за молодую Советскую Республику и по-братьски разделал участок своих украинских товарищей.

ТРИПОЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

И снова ночь опустилась на холмы Триполья. Но в долине и у берегов селого Днепра еще шли последние бои. Все пространство от холмов до реки было усеяно трупами.

Захватченные в плен ранеными бойцами бандиты пытались в сараях. Утром заскрежетал железный засов, послышались пьяные голоса, ругтан, коммюнильных коммандиров:

— Выходи!

С гордой поднятymi головами стояли коммюнильные.

— Коммунисты и коммюнильцы, пять шагов вперед! — гаркнул помощник «батьки» Музук.

Наступила настороженная тишина. Но вот вышли первые восемь человек, за ними еще десант. Коммюнильцы и коммюнильцы образовали перед коммандирами группу.

Бандиты, схватившие в плен, смотрели на красных с презрением. Ожидали, что коммунисты будут молчать о пощаде, скроют свою принадлежность к большевистской партии, коммандирам.

Зеленовцы стали жестоко избивать пленных.

— Зарыть их в землю живьем! — приказал атаман.

— Прощайте, товарищи! Мы умираем за революцию! Да здравствует большевизм! — кричали истекающие кровью красные. Схватив железные лотки, они неожиданно бросились на бандитов. Произошла страшная схватка у смежных смертных могил. Бандиты сваливались в им и мертвых и живых.

Другую группу плененных зеленовцев повели на «допрос» в село Халынье, где находился штаб банды. Коммандирам избивали шпомами, яглы кипели на жареном жеолезе, вырезали на теле птичьи звезды. Но трусы и изменники среди бандитов не было.

Всю им руки! Ташк к рече! — неистовствовали враги. Коммандирам повели к высокому берегу. Внизу пенялись бурные волны Днепра. Одного за другим пленников стаклили с обрывы. Остались последние группы. Коммандиры Бурменко удалось развязать себе руки. Он изо всех сил ударили одного из бандитов. Раздались выстрелы, и Бурменко, уже мертвый, тоже исчез в днепровских волнах.

Так сражались и погибли за молодую Советскую Республику герои Трипольской битвы. Их бессмертные подвиги всегда будут являться для нашей молодежи примером беззаветного служения народу.

На тактических учениях. Командир разведывательного подразделения устанавливает связь с разведдозором.

Фото А. Сергеева.

Лучшие воины Н-ской части афрайтор Ярослав Стукановский
(справа) и рядовой Юрий Кузмичев на полевых занятиях.
Фото В. Тюникова.

ДРУЖБА

Рассказ

На фронте шли горячие бои, и в десяти дцати километрах от передовой, где расположено военное госпиталь, было относительно спокойно. Врачебная бомбила госпиталь несколько раз, но он переходил на новые места и продолжал работать. И хотя главный хирург майор Степанов на вопрос, что на войне самое страшное, коротко отвечал: «Бомбежка», — тем не менее, сам он оперировал или перевозил раненого, забывал и войну, и страх, и воюющие бомбы.

Это был человек слабого сложения, невелик ростом, всегда странный и забывший. Давало в Средней Азии, где-то около Ферзуд, жило это семья, от которой он аккуратно получал длинные письма. Так же аккуратно отвечал на них. Стоило задержаться письму на неделю, как хирург начиндал тосковать, на его лбу показывались морщинки, а в глазах появлялось страдальческое выражение. И тогда он никому ничего не говорил, все знали, что обеспокоен хирургом. Но письма всегда приходили пачками. Погоду перечитывая их, он мурлыкал всегда одну и ту же детскую песенку.

Сидели два медведя
На елке голубой,
Одни в блузке с медом,
А кофе пили другом...

В такие дни работал он особенно горячо и звонковенно. Чувство легкости, творческой энергии передавалось и всему коллективу операционной.

Фронт продвигался на запад. Раненых было так много, что не хватало ни персонала, ни транспорта; врачи и сестры госпитала поддавали сутками, засыпая на час-два и снова глядя в будущее на рядом с огнемонами.

В эти дни из полевого армии на смену забытым и уставшим прибыл подпольщик Каныбала — человек покойной, немного угрийской, сильно хромавшей на правую ногу.

Степанов подпольщиком не поправлялся сразу: делничкий хирург, прыгнувший к вежливому обращению, был очень удивлен, когда Каныбала после короткого приветствия довольно прогремело заметил:

— Что это у вас, доктор, люди распустились? Не приветствуют старших, ходят по двору в белых халатах, демаскируют, словно это не военный госпиталь, а болельщики-ато.

— Да, мы правы, — ответил Степанов, — потому что коллекция госпитала — бывшие работники первой Киевской больницы, это, конечно, не строевики, зато в лечебном отношении... — голос его зазвучал гордо, — мастера своего дела!

Старый комармец, участник знаменитых беденовских походов на Деникина, Брангеля и белополиков, кубанский казак Иван Акимович Каныбала, будучи отличным строевиком, не терял в армии малейшего нарушения порядка.

— В армии жить надо по уставу! — подчеркнул он. — Устал, брат, а не со времен Петра Великого для воина установил. В нем вся наша жизнь до одной минуты расписанна...

— Так ведь, Иван Акимович, тот же самый Петр тоже очень неплохо выразился однажды: «...не деряться устава яко седеи стены...», — начался Степанов.

Но разговор этот скоро забылся: замполит оказался человеком энергичным и деятельным.

Несмотря на сильную хромоту, был очень подвижным: часами дни проводил в палатах, на приеме или отправке раненых успевал вести полигистирии, развлекательные беседы. Никто не знал, когда отыскивал замполит, но все отлично видели, что в его лице госпиталь приобрел великолепного работника, честного, знающего и выдающегося в нужды окружающих его людей. Он был первым, кто приходил к раненым, кто привозил им предметы личной гигиены, кто ухаживал за пациентами.

Когда хромал, испытывавший до службы тяжелую жизнь бедника-казака, он при встречах с жителями села, где останавливалась госпиталь, всегда находил сердечное слово. Порой, скучающий по физической работе, он брал в руки топор или рубанок и начинал мастерить...

— Из музика, видать? — спросил его как-то хозяин, ладя в каторге.

— Да как сказать, лет до двадцати батраковал в станице, ну, а потом на гражданку дошли, да из-за боли до этого дней и возом... подавал старухе ладонь сделанный табор, сказал Каныбала. — А теперь, мать, стать севоза...

— Сейчас, сейчас... — засуетился хозяин. — Небось, дома-то жинка да детки ждут?

Подполковник усмехнулся, помолчал.

— Нема у меня никого. Один из свете Каныбала. Был конь, да и того немцы убили, а мне вот ногу оторвало.

— Как оторвало? — опешила старуха, переставшая раздувать самовар.

— А так! Ахнули из миомета — и все. Выше колена отрезали, а это и прям...

С той поры внимание и заботы хозяиня о своем постоянстве усилились. Просыпалась по утрам, Каныбала находила на своем столе крышки к теплого молока, яблоко или кружку ежевики.

— Да не надо этого, мать.

— Не обижай ты меня, сынок. Может, и моего Ванюшку чы-инбуду мать отэт же притечет.

Однажды хромя забыл на минуту по хамому-то делу к Каныбалу, и тот его за странную записку. Записки сидел на полу, расложившись на домотканом коврике, и, ловко орудуя топориком и ножом, вырезывая из кусков дерева ладца и медведя. Рядом с ним, занятый дыханием, сидели мальчики, восторженно глядевшие на еще не закошенные фигуры зверей. Замполит умело отодвигал от себя обрезки дерева, поднимая и складывая:

— Вот соседским детям мастерю игрушками. Когда хромя уходил к себе, он, через открытое окно, слышал, как ладонь гулко ломает замполит. «А ведь он капитан, король, герой!» — подумал тогда хромунь. — Кто любит мальчишек и умеет дружить с ними, несомненно, хороший человек!»

Хромунь вышел на крыльцо. Поехавшись от снежного утреннего холода, он зевнул, потянулся и то ли от переполненных его чувств, то ли от того, что вчера получили письмо от семьи, неожиданно засмеялся хорошим, ясным смехом.

Минувшая ночь была спокойной и тихой. За последние дни это случалось не часто. Хромунь сел на скамью и начал завтракать. Неожиданно загрохотали пушки. Хромунь прислушался.

«Будет работать!» — поклялся он головой.

За короткое время посыпалась шапка, и в калитке показалась операндная сестра.

Вы ко мне, Надя! — спросил хромунь, отставляя чашку. — Что случилось?

— Вас, Павел Семенович, срочно просят в операционную. Очень экстренно...

Уже на ходу она рассказывала:

— Ночью раненого привезли. Ну, его осмотрел дежурный доктор. Вас не хотели беспокоить... Все было хорошо, а сейчас... он задыхается... Ранение в горло...

Хромунь осмотрел раненого.

— Необходима немедленная операция, — заключил он. — Приготовить кровь и глюкозу. ...Раненый находится под наркозом. После перевязивания крови он порозовел, стал дышать ровнее. Хромунь приступил к операции.

Над селом послышались гул моторов. Кто-то, распахнув дверь операционной, коротко крикнул:

— Всюду!

За окнами уже были пулеметы, тякали зинтики.

— Как быть с раненым, Павел Семенович? — заглянув к хромуню, спросил ассистент. — Будете продолжать операцию?

— Все линище — а убежим! Раненого на крыте простыней. Здесь остануся я и сестра Краснова.

Тяжелый взрыв потряс воздух, и с потолка посыпалась известка. Новых взрывов, еще больше силы, раздались следом. Задрогнули окна, со звоном выплыли стекла.

— Сестрица, смажьте мне юбом эту царапину, — сказал хромунь, показывая на зарезанную осколком стекла щеку.

— Доктор! А мы же здесь, почему же в управление устремляется хромунь? Несколько удивлен и раздосадовано голос замполитки. — Сейчас же все в цепи!

Хромунь поднял голову и, глядя на замполитку, нетромко сказал:

— Нельзя. Здесь раненый под наркозом.

Но глухой удар в стены оборвал его слова. Выбившая раму полетела на пол, пыль поднялась к потолку.

Все это было так внезапно и стремительно, что только когда побледневшая от ужаса сестра вскрикнула «А-ай!», хромунь понял, что случилось.

Черное продолговатое тело бомбы, опренченное первыми стабилизаторами, лежало у порога операционной.

Хромунь хотел броситься к открытому окну, чтобы увидеть бомбу спасать, честно чувствуя самоопоражение, остановившись от него. Он исподлобья посмотрел и, из-под глаза с отдалкой извивавшейся поверхности бомбы, тихо, но настойчиво сказал:

— Пока не взорвась, давай-ка скорее вынеси раненого.

Этот негромкий, но очень четкий голос врача успокоил сестру. Она искачена на ноги, тяжущимися руками взялась за поручни нисосок, на которых, посыпавши, равнодушный к поверхности бомбы, тихо, но настойчиво сказал:

— Пока не взорвась, давай-ка скорее вынеси раненого.

Этот негромкий, но очень четкий голос врача успокоил сестру. Она искачена на ноги, тяжущимися руками взялась за поручни нисосок, на которых, посыпавши, равнодушный к поверхности бомбы, тихо, но настойчиво сказал:

— Держитесь подальше от операционной...

— Бояться нечего! — крикнула хромунь, показавшимися из края поля зрения.

Он не заметил, как подошел замполит, изволнованный и какой-то торжественный в этой сурьоме обстановке.

— Настоящий ты казак, Паша! — сказал он, обнимая хромуня.

Так началась их дружба.

Через несколько дней Каныбала и Степанова вызвали во фронтовой эвакуонук. Такие выво-

Рисунок В. Бордзиловского.

бы были довольно часты, и Степанов, как обычно, захватывал с собой на всякий случай двухнедельный отчет о работе госпиталя.

Они приехали на эвакопункт с небольшим опозданием, и их направили в густой вишневый сад, где уже выстраивались врачи, сестры и санитары.

Сюда, скولا становитесь, товарищи! — крикнул им адъютант, пробегая к калитке, в которой показался генерал Ибрагимов — начальник «Сапфирового» фронта. Раздалась звонкая команда «Салют!»

Прияня рапорт, генерал поодоровался, прошел вдоль строя, затем направился к столику, закрытому красным скунком.

— Товарищи! Времени у нас мало, буду краток. От лица службы благодарю вас за прекрасную работу и поздравляю с высокими наградами!

Он сделал знак, и адъютант стоял громко зачитывать фамилии награжденных.

Из шеренги выходили люди, и генерал, помимо рук, передавал маленькие коробочки.

— Служу Советскому Союзу! — громко и торжественно отчалили они.

— Майор Степанов! — адрят отчелово произнес адъютант, и хирург неуверенно, совсем по-ребячески поклонился ему.

— За отличную работу и торжественное выполнение долга Военный совет армии награждает вас орденом Красной Звезды! —ложил Степанов руку, произнес генерал.

Хирург смущенно улыбнулся, переступил с ноги на ногу и тихо сказал:

— Благодарю от всей души, товарищ генерал, честное слово, я не заслужил такой почетной награды.

— Заслужили, товарищ майор! Вы спасли и сохранили для армии много сотен солдат и офицеров. И это за то, что награждаю вас Военный совет. Этому начальствующему знает,— добавил генерал.— Разрешаю вам отпуск к семье... И генерал еще раз крепко пожал руку совершенно опомнившемуся хирургу.

— Спасибо! — просьбив от неожиданной ра-

боты, выкинулся хирург, поклонился и одновременно отдал честь генералу.

В строю дружно засмеялись, а хирург, смущенный, но с ясными глазами и просветленным лицом, стал на свое место в строю.

— Сидели два медведя на елке голубой, — бормотал себе под нос хирург, разбирая вещи и укладывая в чемодан все, что ему может понадобиться в дороге. Простыня, чистое белье, новые погони, в которых ему хотелось попасться дома: «Дома! Дома!» — Он с удовольствием повторял это слово, представляя себе восторг и радость детей, вызванные его неожиданным приходом.

Дверь раскрылась. В комнату вошел замполит.

— Укладываясь? — окликнула быстрым, нескользким, облученным взглядом чекистка и вещи, спросила он.

По этому короткому, беспокойному взгляду хирург понял: что-то произошло.

— В чем, Иван Акиньчук? — спросил Степанов.

— Немцы прорвались! Танковая колонна недалеко! — сообщила замполит. — Телефонограмма есть: сматываться и быть наготове к отходу.

Хирург нервно прошелся по комнате. Кандыба, наблюдая за ним, спросил:

— Ты когда едешь в отпуск?

— Приказ подписал вчера, думал уехать сегодня же, — отвечал хирург.

— Так же, Павел Семенович, — повторил Степанов.

— Никуда ты не поедешь! — закрыла чекистка хирурга.

— Почему это? Приказ о тебе отдан, заместитель отлично справляется с эвакуацией, а положение таково, что...

— ...положение таково, что с тяжелыми, где бы они ни были, останусь я, — перебил Кандыбу хирург. — И не уговоряй.

Через минуту они уже были возле госпиталя, где суетились санитары, пыхтели автомашинами, в которые погружали раненых.

Когда группа, составленная из легко ранен-

ных и хозяйственного завода госпиталя, уже потянулась к выходу из села, Кандыба остановил ее:

— А ну, товарищи, все, кто может держать оружие, за мной! Надо занять оборону, пока не успеют эвакуацию.

Спустя полминуты за окоплиной тянулись уходящие к стоянки колонны, а замполит, по сторонам своих боевиков, повел их к дороге, где уже оказывалась комендантский лагерь, подошедший на помощь комендантской лагерь.

— Никак, танки! — оставил лагерь, неуверенно промолвив один из боевых.

— Ты, знай себе, копай.. там видно будет, — сказал другой, и оба с ожесточением принялись за работу.

В стороне раздалась пулеметная дробь. Тяжелая, густая пыль поднялась вдалек. Она нарастала, становясь все выше и выше.

— По местам! — крикнул замполит.

Он присел на край окопника, из которого глядел короткий, тупой ствол пулемета. Две бронебойщиков проползли мимо и спрятались у дороги.

— У кого бутылки с эпизипательной смесью? — спросил подполковник.

— У меня... У нас... — отозвалась нескользко красноречиво чекистка.

Потянулся человек с горючим и гранатами к оврагу! Осталась в окопах. Осмотреть оружие и приготовиться к бою! Две бутылки и связку гранат мне!

Кандыбе торопливо положил хирургу, и, поднося ладонь к козырьку, доложил:

— Все готово, товарищ подполковник! Тяжело раненые, а также и весь обслуживающий персонал погружен на машины. Можно отходить!

— Охладирай, Павел Семенович, — сказал Кандыба. — Мы будем прикрывать вас, пока не подойдет наши.

Майор Степанов молча повернулся и пошел назад.

На дороге показалось желтое пыльное облако.

— Немецкие танки! — доложил Кандыбе побежавший боевик — Семнадцать штук.

Танки уже были видны простым глазом. Они не двигались, боясь пустых, безмолвных улиц, где могла находиться сабза.

— Боятся, чертят! — прорыгнул Кандыба и согнулся: к нему в окопчик лез замылок из штыка от саперов.

— Ты чего здесь? — крикнул замылок.— Дорогу пересадил?

— Нет, все в порядке! Машинки с разными узами... — ответил хирург, глядясь с любопытством вперед.

Замылок только вздохнул и, продолжая наблюдать за танками, левой рукой скжав ладонь хирурга.

От замылок было машинок машин отделались три гранаты, набрасывая скорость, с треском и звоном, посыпали на дороге.

Хирург хотел приподняться, но сильный грот заставил его прижаться к земле. Совсем близко разгуливал земля, и сухие тяжелые комы посыпались в окон.

— Аккуратнее, не высыпайся! — услышал Степанов голос Кандыбы.— Надо будет, посоветоваться!

Через поле и кустарник вдоль дороги бежали немецкие солдаты. Они что-то кричали, размазывая уши, стреляя на бегу. Из-за кустов, ломая молодой, неокрепший бересклет, появлялись взрывы.

— Чего там бронебойники спят? Огонь по танкам! — отрываясь от пулепета, крикнул замылок, но еще голос потонул в тяжелом, гротущем взрыве.

Шедший впереди армейский танк окунутся в ровотомый дымом.

Замылок уже не видел, как то, тут же там падали гранаты, обдавая окопками бойцов. Он не видел и того, как хирург уже давно вылез из окопа и, лежа в канаве, перевязывал бойцов.

— Товарищ подполковник, товарищ подполковник! — услышал он голос солдата.

— Чего тебе? — отрываясь от «Максима», спросил Кандыба.

— Поступил приказ из штаба корпуса: продолжать полчаса... танки наши сюда выходят...

— Передай: есть пред orders предстать перед трибуналом: скажи: если нужно, задержим и на час!

Хирург и замылок лежали рядом. Немцы, просочившиеся к их флангу, молчали, и эта странная, так заневоленно наступившая тишина была подозрительной.

— Да-ай папиросу, Паша,— не оборачиваясь, наблюдая за немецкими, попросил подполковник.

Хирург достал из кармана смытую коробку и, закурив папиросу, передал ее замылку.

— Тотчас же, Паша, кинулся к груди головы.

— А знаешь, Паша, ежели мы с тобой оставимся наемы, я обязательно погибнем в отпуске. Ведь примут они меня, не прогонят? — попутешествию-послужило спросил Кандыба.

— Танки пошли! — перебил его чей-то голос.

— Прогонят горючее и гранаты! Держись, ребята! — закричал замылок.

Огневой взвод уже хлестал из танка, из кустов, из окопа, из-за стены немецких солдат, за именем шаг танка.

В этот момент в воздухе послышалась нарашающей гула. По земле пронеслись быстрые, стремительные тени. Девятка наших штурмовиков на ником почту брошением полетела прошла над полем боя.

— Ур-а! Наша, наши идти! — захлебываясь от радости, закричали бойцы.

Тяжело и гулко, сдавлено скрежетом прорывавшегося Ростера, стоял огни замечтанных у самого бруствера. Удар был так силен, что оглушенный боц упал в окоп, подминая под себя склонившуюся варварскую голову хирурга.

— Ур-а! — как сквозь сон услышала Степанова, потом потеряв сознание. Он уже не видел, как штурмовики, носясь над полем, расстреливали брошившихся красавицы гитлерцев, как загорались фашистские танки.

Хирург лежал ничком на две окна.

— Боялся. Только кое-где еще раздавались одиночные выстрелы или испытывала автоматическая дробь.

— Где доктор? Где Степанов? — оглыдываясь по сторонам, спросил Кандыба, только сейчас обнаруживший отсутствие хирурга.

— Убит... Его убило, когда еще танк по нас

СЕМЬЯ МУЗЫКАНТОВ

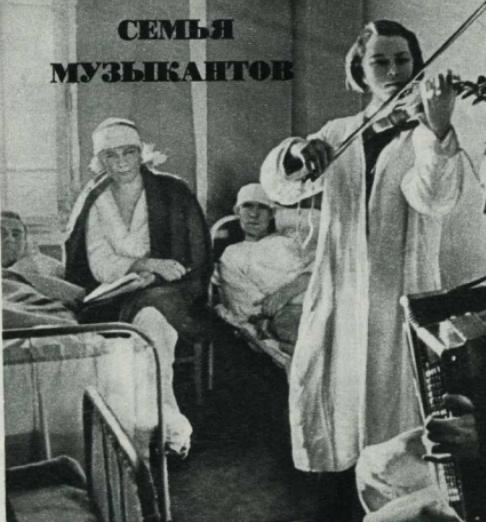

Фото Е. Минулиной.

Зимой 1942 года в московском госпитале «Чкаловка» было госпитализировано девочку со спиральной в руках. Это была Нина Торинская, выпускница Музикального училища имени Гнесиных. Днем она занималась в консерватории, вечером лежала в госпиталях, на вонзахах, откуда отправлялись на фронт, во время воспитывали налетов. Правда, ее концертная деятельность и началась в метро. Однажды, глядя на измученных людей, она решительно покинула налет вражеской авиации, двинувшись в руки скрипки и скрипку. Скрипка музыкально-педагогического института, начиная она преподавать в детской музыкальной школе в Краснодаре.

«Три Ториновых» не прекратили свое существование. Сейчас семья музыкантов готовят новую программу.

Скоро трои станет уже квартетом. Четвертнештадия Аленушкина, дочь Нины Владимира, тоже занимается в московской «исполнительской деятельности». На концерте в детской музыкальной школе, где она учится в подготовительном классе, Аленушкина сыграла на скрипке про свою маму и, говорят, имела большую успех.

Н. БАБОЧКИНА

стреля... Да вон, кажется, его поднимают из окопа.

Опустив голову, скжав зубы, замылок смотрел, как красноармейцы осторожно вынимали из окопа тело врача. Кандыба привыкнул это из первого, такое неслепое знакомство и триумфические минуты боя.

— Ах, друг! — Павел Семеныч! — тихо произнес подивившийся.

На землю положили бойца и рядом с ним хирурга, измазанного землей и кровью, в изорванной гимнастёрке. Рука его судорожно сжимала гранату.

— Осторожнее, товарищи! Гранату надо вынуть, как бы не взорвалась, — послышались голоса.

— Не бойся! Не взорвется. Она без запа-

ла, — сообщил один из бойцов, нагнувшись над хирургом. — Да он, кажется, дышит...

— А ну, врача сюда... жив-зо! — загораясь неожиданной надеждой, крикнул Кандыба и, растяжками солдат, бросился к Степанову.

— Да, да, да! — Павел Семеныч! — тихо проговорил послышавший звуки вспышки.

Замылок тяжело сел рядом с хирургом и неожиданно расхохотался. Его счастливое, сияющее лицо было так забавно, что все окружающие засмеялись.

— Так, значит, он забыл, вставит запал в гранату? — сказал замылок. — Молодец, Паша, что забыл!

Это был первый случай в жизни Кандыбы, когда он одобрил промах, допущенный на военной службе.

ДВОРЕЦ СПОРТА

Фотоочерк

А. БУРДУКОВА и Р. НЕРОНОВА.

Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках за короткое время стал любимым местом отдыха молодежи. Поглядите на панораму огромного спортивного зала, покрытую зеленой травой. Зал Дворца спорта заполнен, ни одного свободного места. Тысячи юношей и девушек побывали во Дворце спорта. Здесь проводились многолюдные соревнования, ярким праздником юности явился новогодняя елка и был «олимпийцев».

Каждый раз, вступая под своды Дворца спорта, я неизменно восхищаюсь мастерством строителей и архитекторов, предусмотревших все удобства для зрителей и спортсменов. Просторные, светлые фойе, линии буфетов-автоматов, «фербрики» кинемата и холода — все построено с учетом того, что здесь будут собираться многие тысячи зрителей. О грандиозности этого сооружения красноречиво говорит хотя бы такой факт: площадь подтрибуунных пространств Дворца спорта равна 26 тысячам квадратных метров.

Сегодня по просьбе многих наших читателей мы, познакомив вас с Дворцом спорта — одно из сооружений Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Кроме зрителей, на матче незримо присутствуют миллионы радиослушателей. Для них спортивный комментатор Вадим Синявский ведет репортаж из Дворца спорта.

Самый драматический момент на поле: шайба в воротах. Вратарь уклоняется, склонившись на защитников — защитники — на вратаря: что же оплошал на этот раз?

Чтобы репортаж зазвучал в кино и по телевидению, он записывается на пленку.

Пятнадцать тысяч зрителей удобно разместились на четырех трибунах. Сегодня они увидят очередное состязание по хоккею. Команды уже выстроились на поле. Через несколько минут прозвучит свисток судьи, и шайба вступит в игру.

Спортивный зал Дворца легко превращается в зрительный зал, на сцене которого устраиваются концерты.

500 человек в минуту обслуживаются буфеты-автоматы, где можно купить и бутерброд, и пирожки, и газированную воду.

Летом и зимой фигуристы могут совершенствовать свое мастерство во Дворце спорта. Серека Селезнев и Клара Ляпкина выступают здесь впервые.

11 миллионов кубометров очищенного и увлажненного воздухарабатывает в сутки «фабрика климата». На снимке — машинный зал.

«Хладоцентр» Дворца спорта подает по трубам аммиачный раствор к ледяной арене.

Дендрарий техник Виктор Смирнов, «хозяин климата», гордо следит за температурой и влажностью воздуха в зале.

Н. ГЕРАСИМОВ

РЖАНОЙ ХЛЕБ

Рассказ

Сожженная отступающими из деревни Ярихи чернела на снежном поле, как след от огромного гравитого сапога. Маленькая проворная девочка в короткой шинели, с санитарной сумкой через плечо, бежала по сгоревшему холму и вбежала в деревню. За ней, ехавшая поспевая, волочила ноги солдат с желтыми, прокуренными усами. Пробираясь меж дымящихся развалин и загоревшихся в каждую яму, они искали раненых.

Посреди улицы, на колодце, раскинув руки, лежала женщина. Девушка нагнулась, посмотрела в ее безжизненное лицо и медленно пошла дальше. Но вот она остановилась и прислушалась. Из погреба чуть слышно просачивались глухие звуки. Девушка подбежала к сгоревшему хлеву, приподняла тяжелую крымскую и на шкатулке лестнице начал спускаться вниз. За ним последовала и его спутница.

На черной, глиняной скамье сидела девочка лет десяти, спустив тонкие, как пруты, руки. В углу лежал малычик с опухшим грязным лицом. Он выколупывал из стены глину и совал ее в рот.

— Где мать? — спросил солдат у девочки.
— Попала за водой.
— А как тебе зовут?

— Грунч.

Девушка достала из кармана шинели черный суконь протянула малычику. Но тот еще глубже забился в угол и крепче зажал в кулачке комок глины. Тогда Грунч взяла ребенка на руки и стала кормить. Она разгрызала сухарь и нахекавшую массу давала братичке. Шея у девочки была тоянка, худенькая, с прыгающей синей жилкой и родинкой, которая выбегала откуда-то из-под ключицы и снова пряталась.

— Еши, Борика, еши, — говорила она, — хлеб ржаной, вкусный.

Откуда-то сверху донеслись орудийные раскаты, и девушка с солдатом быстро поднялись наверх. За несколько километров от деревни онсят разгорался бой. В небе показались самолеты, посыпались взрывы бомб, а в самой Ярихе все также было тихо и безлюдно. Она казалась стертой с лица земли, а ней не ушел ни одного дома, ни одного деревца.

Солдат заклонил краинку погреба. Девушка взорогнула и заплакала.

— Ну, — сказала она, — сержант!

— Ну, — сказала она, — налья — выпиряя слезы, сказала девушка. — Надо обязательно найти кого-нибудь из местной власти...

— Ее здесь нет, власти... — покачал головой солдат. — Земля тут совсем еще не устоялась. И, обвярав голову в плечи, он зашатал рядом, с девушкой.

Неожиданно они увидели еще один признак жизни. Среди черных, обгоревших бревен, на валах, воткнутых в кучу золы, выседла шапка.

Рисунок П. Смолиной.

О��ала она здесь — уединенное село. На ее голос из кучи золы вылез чешуекожий, глядел на солдата. Желто-бледною запекшейся губы и воспаленные веки его были похожи на ломтики сушеных блоков. Весь он дымился, как голошеница.

— Милости просим! — с некоторой опаской взглянувши в солдат, приветствовав их старуха и спросила: — Далече ли неменем угнали?

— Терпер уж далеко, километров за десять, — ответил солдат.

Деревня лишь казалась мертвят. Засыпавшая русскую речь из им, погребов, силюсных траншей из всех щелей и нор стали выползать люди.

— А нет ли здесь какого-нибудь представителя Советской власти? — обратилась к старухе девушка.

— Есть, есть, — ласково закивал он лохматой некопытной головой. — Я и есть тот самый представитель — сторож сельсовета. Евграфыч меня зовут. Я всегда народ на собрания созывал.

— Там, в посёлке, дядя ребяничек, — сказала ему девушка. — Устроил бы помчадиста.

— Знаю, — ответил он. — У меня все население на учете. Из Настасьи Прокофьевой дети-то, а сама она вон у колодца лежит уби-тая.

Люди уже расчищали погорелое место, расстаскивали ученевые бревна, засыпали снесенные тлеющие ути. Слышился крик ребяничек и плач женщин. Среди шума ожившей деревни стоял пронзительный взгляд каким-то чудом уцелевшего поросенка, и в морозном воздухе раздавались взвеси удары топора.

По дороге на ровняхах ехала старуха в теплобрикете.

— Луканичка! — окликнул ее Евграфыч. — Чего рано запрягала?

— На огороды, — ответила она охрипшим, простуженным голосом, — мороженую картошку из под снега выбирать.

— Смотри, — на мину напорешся.
— Не пугай... Пужена!
— Ты вот что... погоди, давай вопрос со-

глазумъ... Слыхала, Настасья Прохорова убита? У нее вонь хвостов. Ты доставь их в мою землину. Помоги?

Старуха клацнула птичником тощую рижую корову, заприжинула в сани.

— Дергую захваты, наскрой их дрогой-тот! — крикнул Евграфич вслед.

— Сама знаю, — отрыгнулась Лукиничка.

Снег, искрясь на солнце, больно слепил глаза.

А бой не утихал, разгорячился все яростней, то приближался к Ярихе, то удалялся от нее.

Из-за холма со страшным ревом на болыкской скорости вынырнул самолет.

— Эх ты, сатана! — погрозил ему кулаком Евграфич.

Раздалась взрыв. В облаке снежной пыли взлетели комы мерзлой земли. Когда облако рассеялось, взору ярихинских колхозников открылась огромная круглая яма с вывороченными краями. Рядом лежали изуродованные тела девушки и солдата. Евграфич полз, оставляя кровавый след.

Люди подобрали все, что осталось от побитых, похоронили их в Ярихе и на могилу положили гранитный камень.

Евграфич вымылся.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Деревня Яриха за эти годы отстроилась. Радунь своей чистотой, встала в ряд новых домов, крытых жестью и черепицей. Под крышей каждого из таких крыльев сидел комсомольский советчик и правление колхоза. Недалеко от этого дома из белой оградой висела небольшой холмик. На нем лежал гранитный камень, напоминавший о солдате и девушке в шинелях, которые первыми вошли в эту деревню. Могильный холмик был покрыт, точно зеленым ковром травой, на которой торчали коробочки мака, увеличенные маленьмыми коронарами.

Над деревней плавно опускался вечер. В воздухе мерцала лаская полынь, подпрыгивая ветром с колхозного дома, где сортировали рожь. Но горизонт, как бы вспыхивали зарницы, и прятанье на Ярихе продолжалось одна за другую белые пустынские звезды.

Вот и зерноочиститель замочил на току. Колхозники вереничкой потянулись в Яриху. От них отделилась Груша Прокорова. Она уже вышла замуж, обзавелась своим хозяйством и работала в полеводческой бригаде. Это была полная молодая женщина с ямочками на щеках и подбородке. Темные ржавые волосы, отливавшие золотом и черью, обрамляли ее красниную гордую голову. Красоту эту не портят даже юные морщинки, присутствующие лицу, точно зловещие деревянные несвирепые положения лягушек, готовящиеся стать матерью. Утомленная, она села на скамейку возле могильного холмика, дослушала из фартука горсть отходов, которые она собрала на машине, очищавшей рожь на току, и стала растирать макину, пахнущую хлебом и знойной пылью. Обнаживши в макине много хлебных зерен, она задумалась, глубоко вздохнула, и при вздохе из-под ключицы показалась и быстро исчезла черная родинка.

Евграфич подметал вокруг могильной ограды пыль, сгребая ее в кучу, еще больше подстриг бороду у него совсем побелела, но глаза поблескивали из-под нахищенных бровей по-прежнему остро и насмешливо.

В первый год после войны Евграфич привык у себя Грушу и Бориску. Они жили в землянке, а потом колхозники поставили им избу. Позже там поселился и муж Груши, который недавно ушел на военную службу.

Едва солнце спустилось за горизонт, как на улицу вышел парнишка лет шестнадцати в голубой бережука и в низко приспущенные сапоги. Встряхнув светлую кудрявую головой, он растирал и скимал гармонь.

— Борис! — позвала его Груша.

Борис с форсом прошелся перед крыльем зерноочистителя, поднял с сена ветчина с пальтошничными глазами. Борис закинул семилетку, работал на зерноочистителе машине, знал себе цену и был уверен, что в жизни нет для него ничего невозможного.

Пересыпал с ладони на ладонь горсть рожных зерен, Груша укоризненно сказала брату:

— Из одного рецепта макиня и набрала вот сколько зерна... Что ж это такое, Борис?

— Да сыта в зерноочистителе зиноваты, — сказала он неброжно.

— Сита... сита! — вспыхнула она.— А ты куда смотришь? Нельяз так, Борис...

— Помоги, — пожал он плечами,— горсть зерна, да и ты ржаного.

— Но ведь это хлеб...

— Эка невидаль — ржаной хлеб! — усмехнулся Борис.

Груша явственно опустила во рту кисло-сладкий и чуть солоноватый вкус солдатского хлеба, вскочила, хотела что-то сказать Борису, но сразу ухватилась за живот и вскрикнула. Сердце у нее будто провалилось, и резкая боль опоясала с такой силой, что не было возможности перевинуться.

Не понимая, в чём дело, Борис в растерянности вспомнил Евграфича, бросил мяту, обнял Грушу за плечи и бережно положил на скамейку. Из ее фортука полетела по ветру макиня, и на землю посыпалась ржаные зерна. Прикусывая губу, Груша тихо застонала и, когда первая схватка боли прошла, встала на ноги, поморысясь куда-то идти. Но Евграфич удержал ее за руку.

— Ты не бойся, — сказал он, — сейчас мы все согласуем.

По дороге громыхала телега. Старуха лет восемидесяти, одетая в яркую, цветастую кофту, держала в руках юхажку.

— Здорово с тобой, Лукиничка! — крикнул старик.

Что там?

— Заворачивай, тебе говорят! — приказал Евграфич.

Лукиничка остановила лошадь и сожмокнула с телеги. Увидев, в каком положении находится Груша, старуха набросилась на Евграфича:

— До крайности довели молодуху!.. Эх ты, представитель!

Уложив Грушу на телегу, она тронула вожжи. Повозка скрылась за углом.

Миновала зима. Над алтайской иссиня-черной пахотой поднималась летний пар. Со стороны огорода тупило запахом дыма от сжигаемого прошлогоднего сорняка. В ложах, устраивавших на жестких прутовых гнездах, гадали грачи. Далеко за Ярихой зеленым половодьем разливались озимые.

Из сельсовета вышел, пощелкавши новыми галошами, Евграфич и начал разматывать весенние голубые лужи. Он словно косил, размакивая метой и страждая с нее брызги рабуджиной воды.

Из травы у гранитного камня, за оградой, тянувшись к солнцу, сильные стрелы молодой ржи.

Люди, часто навещавшие это священное место в центре Ярихи, подолгу стояли у ограды, удивляясь, как попали скота зерна, из которых появились эти хлебные всходы.

г. Чналов.

ПЕСНЯ

МОЛОДЫХ СОЛДАТ

Слова Николая СТАРШИНОВА.

Музыка Владимира ШАИНСКОГО.

Темп марша

Эх ты, мама, моя мама,
Выслушай меня ты.
Не ходи, не ходи со мною, мама,
До военномата.

И не стой, не стой в печали,
Прислонившись к тыну.
И не плачь и не плачь потом
По родному сыну.

Вот когда мы завтра строем
Двинемся в дорогу,
Помаши, помаши ты мне рукою
С нашего порога.

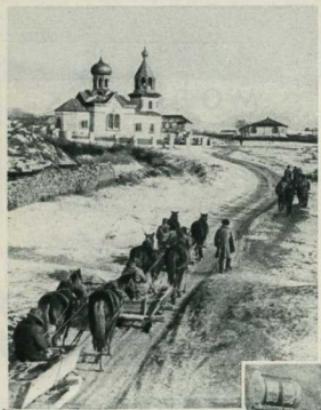
Эх ты, мама, моя мама,
Выслушай меня ты.
Ты сегодня, сегодня просто мама,
Завтра — быть солдата.

«ТИХИЙ ДОН»

НА СЪЕМКАХ

КИНОФИЛЬМА ПО РОМАНУ М. ШОЛОХОВА

Фото В. Тюнеля и Ф. Почкина.

Вот он, хутор Татарский, знаменитый нам по роману.

Рабочий момент съемок.

По просторам придонских степей гуляет ветер. Он дунет в голые ветвих редких караачек, подергивает рыбью синеву воду хутора Татарский Донца. Уныла звон скрипания морозом степь, и только багряные куды краснотолка, разбросанные там и сям, оживляют серый пейзаж. Невидим от петляющей по степи дороги возышается двухэтажное, со стrelчатыми высокими окнами здание Листвицкого. Широкий, слегка запороженный снегом двор пуст. Но вот стукнула дверь флигеля — и первою появилась красавица-казакша Ада. Красивая, яркая, цветастом платком, в наскоро брошенной на плечи шубке. Вышла во двор и развесила из веревки профандалиевые офицерские шапки, она застыла в горестной задумчивости, обуреваемая противоречивыми, невеселыми мыслями...

«Стоп! — раздается команда; откуда-то из-за служебных пристроек во двор взвихнулся тележка с кипением. Ада снялась с шапки с веревки. Слипшись возглас: «Мотор!», «Тишина!».

Читатели, конечно, уже догадались, что все это происходит на съемках фильма «Тихий Дон» по одноименному роману Михаила Шолохова. «Тихий Дон» — первый в истории советского звукового кино трёхсерийный фильм, причем каждая серия — полнометражная картина. Общая длина пленки трех серий составит семь с половиной тысяч метров.

Ни с одним видом искусства кинематография не связана так тесно, как с литературой. Если проследить процесс экранизации литературных произведений, то можно сказать, что чем богаче литературная основа, тем больше перспектив предстаёт при создании фильма, тем значительнее результаты постановки. В этом отношении роман Михаила Шолохова стоит в себе поистине непревзойдёшие возможности. Естественно, вобрать в себя более чем тысячу восемьсот страниц романа фильм

не сможет. Для этого потребовалось бы не менее чем двадцать серий. Поэтому создателям сценария пришлось поступиться не только отдельными сценами, но целыми сюжетными линиями. Работа по отбору материала проходила в содружестве с автором романа. Это был напряженный и

сложный этап в создании картин. Затем прошли кинонапись, окончательно определившие исполнителей.

И вот сейчас в городе Каменске, на берегу Дона, работает киноэкспедиция Московской киностудии имени Горького, которой предстоит на протяжение почти целого

Кадр из будущего фильма.

го года вести натурные съемки. Построена станица с магазином и церковью. Невидимка от нее вызывается именем Листвицкого. Для создания этих объектов в Каменске в адрес экспедиции прибыли один десяток вагонов с необходимым строительным материалом, спасением, интересно заметить, что съемки ведутся в тех самых местах, где в свое время создавался «немой» вариант «Тихого Дона».

Погода не благоприятствует кинематографистам: нужно снимать зиму — занесенную снегом поля, замерзшую реку, сугробы на дорогах, — а снега почти нет. Но без снега не получится съемки на Донце: пленка пасмурна, туманна, и это не позволяет проводить съемки дневных сцен.

Всем, конечно, памятен эпизод, когда Григорий узан об измене Аксонии избывает молодого по-мещника Листвицкого. Из-за неблагоприятной погоды этот эпизод снимался три дня подряд. В течение трех дней буквально по несколько часов в день избывался Листвицкого, и хотя было конечно,приняты необходимые преграды, всеобщее восхищение вызывало мужество актера Дмитриева, играющего роль Листвицкого, которому, наверное, уже в сотый раз приходилось падать на землю под ударами тяжелых солдатских саблей.

Можно привести много примеров креативной напряженной работы кинематографической группы.

Создание фильма было бы невозможно без активной помощи местного населения. Жители окрестных станиц участвуют в съемках, помогают при создании новых кинообъектов. Много среди них и таких, кто непосредственно участвовал в событиях, описываемых в романе, и может поделиться воспоминаниями о гражданской войне в этих местах.

В адрес съемочного коллектива поступают тысячи писем со всех концов Советского Союза и из многих зарубежных стран. Авторы их интересуются ходом работы, подбором исполнителей, сроком окончания съемок — словом, всем, что связано с созданием музыкального фильма. Эти письма побуждают создателей и актеров в технических работниках коллектива. Они понимают ту особую ответственность, которую накладывает на них работа по экранизации подлинно народного произведения.

Главный постановщик фильма — народный артист СССР Сергей Герасимов. Роль Григория Мелехова исполняет Петр Глебов, а роль Максима Горького — Евгений Станиславский, в роли Аксонии занята известная казакрительница артистка Эльмина Быстрицкая, роль Наталии — жены Григория — исполняет студентка Государственного института кинематографии Зинаида Киринко.

Первые две серии должны быть закончены и выпущены на экран к сорокалетию Октябрьской революции, в ноябре 1957 года, третья серия — на два — три месяца позднее.

А. МАКАРОВ

На вкладыши наяды из фильма. Вверху — казачий полк на станции Разгон; внизу — встреча Григория Мелехова (артист П. Глебов) с дедом Сашкой (артист Д. Капунон).

Цех художественной резьбы при Московском комбинате имени А. И. Минойна готовят к фестивалю много сувениров. На снимке: молодой художник-резчик Юрий Служин сдает контролеру Ксанде Головановой изготовленные им изделия из кости.

ФОТО Г. Борисова.

Над Москвой зазвенят песни мира и счастья

Мне, как композитору, особенно дорога и близка вдохновляющая идея всемирных молодежных фестивалей. Имел счастье приступить к этой работе на праздниках юности в Бухаресте и Варшаве. Теперь вместе со всеми болгарскими юношами и девушками с нетерпением жду московских встреч.

По всей Болгарии идет детская подготовка к VI Всемирному фестивалю. Это видишь везде: в клубах, парках, на стадионах. Каждый молодой болгарин делает все возможное, чтобы достойно представить на фестивале свою родину, ее культуру.

В состав нашей молодежной делегации, которая поедет в Москву, вошли 150 болгарских студентов. В художественную группу отобраны симфонический и струнный оркестры, четыре хора, ансамбль, джаз.

Хотим арендовать пароход

Около года назад группа молодых аргентинцев, вдохновленная идеями мира и дружбы между народами, решила создать Инцизионный комитет VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Задачи, стоявшие перед этой организацией, поистине огромны. Дело в том, что аргентинским молодежь не сознает еще в полной мере, какие бедствия и несчастья приносит народам война, ибо знает о войне лишь из книг и фильмов.

Аргентина лежит в стороне от континентов, где вспыхивают раздиранные бушующими военными смехами. И мы, молодые, соотечественники, искренне убеждены в том, что географическая отдаленность их родины является гарантией ее безопасности на будущее. Подготовка же к фестивалю помогает аргентинским юношам и девушкам понять, что и они ответственны за сохранение мира на планете.

Важный вопрос, который нас волнует, — это решение экономических трудностей, связанных с проездом от Аргентины до Москвы. Эдакое расщепление на поклонников и ненавистников. В настоящее время ведутся переговоры с молодежными организациями Чили, Уругвая и Бразилии о совместном путешествии. Мы думаем арендовать для этой цели вместительный пароход, чтобы обойтись нам гораздо дешевле, чем проезд делегатов поодиночке.

Время у нас еще есть, но и сделано предстоит немало. Театральные и самодеятельные коллективы сейчас соревнуются между собой за право поехать в Москву. И вот к празднику к празднику возникает ряд проблем. Например, наши артисты и режиссеры долго ломали себе голову над тем, как донести до зрителя,

Болгарские композиторы создают к фестивалю новые произведения. Любомир Пилков, например, пишет весенний канкан для хора, девушки и струнного оркестра; Филипп Кутев — сонеты на народные мотивы. Задуман торжественный марш фестиваля для хора, солистов и симфонического оркестра. В наш Союз композиторов прислали ряд интересных музыкальных новинок.

Скоро над Москвой зазвенят песни мира и счастья. Дружище юношей и девушек разных стран станет еще ярче и горячее. Она, как солнце, согреет землю и теснит сплотят наши ряды.

Пусть поет молодежь мира в одном хоре!

Георгий ДИМИТРОВ,
председатель Болгарского национального подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Плакат работы художника С. Валуцкого (ИЗОГИЗ).

из четырнадцати музыкантов. На фестиваль мы привезем и специальную брошюру о танго, из которой желающие смогут узнать историю развития аргентинского народного танца.

Мы надеемся приехать в Москву с большой и разнообразной программой. В нашу делегацию войдут молодые артисты, танцовщицы, музыканты, художники, спортсмены также усиленно готовятся к предстоящей встрече. По всей стране проводятся отборочные турины. Я думаю, что москвичи смогут увидеть нашу футбольную команду.

Однако подготовка к поездке в Москву не является нашей единственной задачей. Мы стремимся,

чтобы идеями фестиваля, идеями дружбы и мира между народами закликис все сердца: и тех, кто едет в Советский Союз, и тех, кто останется в Аргентине.

Уже недалек тот час, когда аргентинская делегация выйдет на зеленые поля Московского стадиона, чтобы вместе с представителями Франции, Индии, Китая, США, Чехословакии и многих, многих других стран подтвердить свою непоколебимую волю молодежи отстоять мир во всем мире.

Севера Альфредо ЯНТОРНО, член Постоянного фестивального комитета, экс-чемпион Аргентины по плаванию, заместитель директора археологического факультета университета Буэнос-Айреса.

Плакат работы художника В. Корецкого (ИЗОГИЗ).

ПИСЬМА, НАПИСАННЫЕ КРОВЬЮ

настоящему веселюсь. Знаешь, что сказал один очень умный человек? Он сказал, что только тот, кто умеет хорошо отдыхать, умеет хорошо и работать.

— Кто это сказал?

— Линьцзян — проповедник Тун-циоань.

Ван Сюо-хэ этого раз слышал от Свой Тун-циоаня это имя. Он хотел поговорить друга рассказать о Ленинском подполье, но вдруг школьный сторож позвал его:

— Твой отец заболел. Беги скорее домой!

Открыл дверь физы, Сюо-хэ остановился в испуге. Мать сидела на постели отца, метавшегося в бреду, и горючим плакала; двое младших братьев молча стояли в углу.

— Папа, что с твоим?

— Соня, я не могу от изнеможения в ко-
тельной, и сто укалываю.

Уволзли! — возмутился Сюо-хэ и сразу побежал в контору английской торговой судо-
ходной компании.

Служащий, спросил фамилию отца, равнодушно произнес:

— Ван Фу-дин вычеркнут из списка рабо-
ников нашей компании. Давно этого старика следовало выгнать...

Ван Сюо-хэ поборол здравый набережной Хуан-
пу. Солнечные лучи лениво скользили по по-
верхности воды; волны плескались, о бе-
рега, о бортах английских, французских, аме-
риканских и японских судов.

На следующий день Сюо-хэ пришел в школу задумчивым. После уроков он рассказал обо всем случившимся Тун-циоаню.

— Ну что ты теперь думаешь делать? — спросил друг.

— Нужно кончить школу, — ответил Сюо-хэ, — изучить английский язык, а потом уж решать.

— Ты считаешь, что, выучив английский язык, проще сбить дорогу? Нет, друг, надо выучить другой язык... Кем был твой дед?

— Рыбаком.

— А отец?

— Сначала кула, а потом кочегаром.

— А ты окончишь школу и будешь таким же чиновником, какой вчера выигнал с работы твоего отца?

— Такими я запротестовал Сюо-хэ, — я не буду танки.

Вечером Тун-циоань прислал Ван Сюо-хэ домой и дал ему книгу «Матильда». Свой Тун-циоань был коммунистом. Он давно пристраивался к Ван Сюо-хэ. Ему нравился этот серьезный юноша. Из него, думал Тун-циоань, получится настоящий революционер. И он не ошибся. Вскоре Ван Сюо-хэ снова пришел к нему.

— Какие люди — восторженно восхитился он, возвращая книгу.

Свой Тун-циоань, сккуп, как все китайцы, на винение выражало чувство, крепко пожал руку юноши.

— Ищи, Ван, таких людей среди китайцев!

— Есть.

Жизнь подобна стремительному потоку. Если человек идет по нему один, — потокшибает его с ног. Надо идти вместе с другими, крепко азанившись за руки. Этую истину давно понял Свой Тун-циоань. И именно он привнес его в Коммунистическую партию Китая. Свой видел, как внутренне затягнулся, воспирнул его друг — Тун-циоань. Идея предприменным предлагать ему вступить в партию: пусть сам предстоит к такому решению.

В Шанхае спирательная японская воен-
ница, от оккупантов не отставали и их китай-
ские прихвосты. Приследовались даже школь-
ные математические кружки. В пригородах каждую ночь убивали рабочие и студентов. Общество учащихся ушло в подполье.

Как-то Тун-циоань рассказал Ван Сюо-хэ
о юноше, приехавшем в Шанхай из Пекина. Этот юноша, сын рабочей семьи, еще одновременно вели полноправную революционную ра-
боту. Японские шпионы высекали и арестовы-
вали юношу. Они жгли ему лицо и грудь раска-
ленными пуговицами, пытаясь, но ничего не до-
бились: юноша не издавал имен своих друзей.

— А где он сейчас? — спросил Ван Сюо-хэ.
— В больнице.

Тун-циоань и Сюо-хэ пошли навестить храб-
рого юношу. На крыле лежал молодой человек с лицом, черным от ожогов. Он не мог поше-
веляться ни рукой, ни ногой, но тихо, с трудом выдавливая слова, говорил окруживший его
молодежи:

— Не нужно печальтись, друзья мои...
Я умираю... Но революция будет жить... Смело надо идти вперед, и мы победим!..

Сюо-хэ и Тун-циоань возвращались домой
молча. И вдруг Сюо-хэ спросил:

— А кто будет руководить нашей борьбой?

Свой понял, о чем думал Ван, и ответил
примо:

— Коммунистическая партия!

— Тогда давай будем искать эту партию.

— Зачем искать? Они повсюду, где есть такие парни, какого мы видели сейчас в больнице...

— 4 мая 1941 года, в день двадцатой второй годовщины начала антиимпериалистического движения в Китае, на восемнадцатом году жизни, Ван Сюо-хэ подал заявление о вступлении в Коммунистическую партию Китая.

При тусклом свете маленькой электриче-
ской лампочки Свой Тун-циоань, рекомендовав-
ший Вана, читал слова клитвы. Ван Сюо-хэ,
подняв правую руку, повторил клитву слово
за словом.

Ван Сюо-хэ.

Ван Сюо-хэ, двадцатипятилетний юноша, был расстрелян гоминдановцами в 1948 году, за десять месяцев до освобождения Шанхая. Я побывал на кладбище, где находится его могила. На гранитном памятнике высечены только фамилия и имя: «Ван Сюо-хэ».

Но каждого шанхайца они говорят большие, чем сказали бы десять тысяч слов.

...В день гибели Ван Сюо-хэ дул ветер с моря. По серому, тусклому небу позади тяжелой реки Хуанпу вышла из берегов. Вода смывала с набережных мусор, оплаки, рыбью чешую.

— Это символично, — сказали мне. — Ведь и жизнь в Шанхае тогда была такой же, как тот день. Город держали за горло гоминдановцы и американские колонизаторы. Но с севера неудержимо двигалась Народно-освободительная армия. Наступательный порыв ее возрастил, как морской прилив, смывая всю грязь проигравшего мира.

В Шанхае я часто беседовал с друзьями и соратниками Ван Сюо-хэ с его женой Синь Юй-ян. Местные писатели, собравшие о тече-
ии много материалов, ознакомили меня с ними,

1

Отец Ван Сюо-хэ — Ван Фу-дин — жил в провинции Чжэцзян, в городе Нинбо. Это чудесные места. Их нередко называют земными раем, потому что благими, которые дают там людям природы, никогда не пользовались ни старик Ван, ни его сын.

Ван Фу-дин был грузчиком, или, как говорят в Китае, кудан. Но скопе лишился и этой работы.

Чтобы спасти семью от голода смерти, он переехал в Шанхай, где поселился в районе пролетарской бедноты — Чапе, с которой связаны революционная слава Шанхая.

Грустно Ван Фу-дин считал, что все беды и невзгоды его жизни происходят от того, что он неграмотен, и поэтому решил во что бы то ни стало дать образование сыну. Мальчик родился в 1922 году, и, достаточно получив образование, все долгие в жизни открытое ему. Учился он очень прилежно.

Однажды, когда Сюо-хэ был уже во втором классе средней школы, он спросил своего друга Сюо-циоаня:

— Целыми днями ты бегаешь и поешь, а когда же успеваешь готовить уроки?

Тун-циоань, всегда сдававший экзамены только на «отлично», смеясь ответил:

— Я так поступаю: во время учебы по-настоящему занимался, во время работы по-настоящему работало, во время отдыха по-

Старый Ван Фу-дин сгорбился от болезни. На работу его никуда не принимали. Семья голодала.

Теперь, возвращаясь из школы, Сюэ-хэ жаловался, что учителя и ученики, как правило, не работают. Наконец после долгих поисков ему поспешили обещать принять в двух местах — на главном постаменте и на Шанхайской электростанции, которая принадлежала американской компании. Домашние в один голос советовали: поступать на постамент, потому что это настоящая чашка риса. Ван Сюэ-хэ пошел в партийный комитет. Там сказали: на электростанции более трех тысяч рабочих. Надо готовить к боям.

Этим вспыхнула война. Японцы забрали у американцев все их производство. Жить и работать стало еще труднее.

Однажды, приехав на станцию, Ван Сюэ-хэ увидел рабочих, стоявших у здания дирекции. Сынчен был голос обычно молчаливого гуандуцца Су Ян-чуя:

— Мы требуем повысить зарплату рабочим!

Ворота показались матросы, вымытые с японского военного корабля. Под дулами автоматов рабочие вынуждены были разойтись. А через несколько дней изъес чангуандзе: его схватили японские агенты.

Обстановка становилась все более напряженной, пока не произошло то, что застало посмотившихся Ван Сюэ-хэ, сказали:

— Очень хорошо, что на станции нет тишины и покоя. Японцы сейчас сильны, в Шанхае у них большой гарнизон. Но знаешь пословицу: «Нет такой стены, которую не продушил бы ветер. Ведите экономическую борьбу, спасирайтесь, готовьтесь к штурму!»

С этого времени на улицах рабочего поселка в bulunduğu можно было встретить юношу в пониженной синей блузке. Он заходил в дома, говорил:

— Я приводил к тебе по делу... — говорил он хозяину фабрики. — Потому в тот день, когда мы обсуждали вопрос о рабочем кооперативе, вы сразу же разошлись, как только в комитат вошли другие рабочие?

— Они ведь цзянгхайцы! — воскликнул хозяин фабрики, — а мы нинбоцы!

— Ну, а почему нужно было расходиться?

— Да я и сам только не знаю. Говорят, что цзянгхайцы пришли в Шанхай отнять у нас кусок хлеба.

Несколько дней спустя Ван Сюэ-хэ стал свидетелем горячего спора. Одни рабочие ругали цзянгхайцев, другие — нинбоцев. Сюэ-хэ подошел к спорщикам:

— Скажите, — вмешался он, — вы знаете, кто такой У А-бэо?

— О, это настоящий человек! — заметил один из старых рабочих. — Он участвовал в трех вооруженных восстаниях и погиб на баррикаде.

— А Лу Юнь-шэн?

— Он тоже сложил голову за трудовой народ.

— Кем они были, У А-бэо и Лу Юнь-шэн?

— Кто знает этого не знает! Они рабочие Шанхайской электрической станции.

— Значит, — сказал Ван Сюэ-хэ, — когда мы вспоминаем героя, мы знаем только одно: они были рабочими. Неважно, откуда они из какой волости, из какого уезда, земельства, имя у них одно — рабочие. Все мы одни рабочая семья. Нас даны горы. Если ты будешь толкать меня, я и тебя, — гора станет давить еще сильнее. А если мы объединимся и поддадутся, обязательно сдвинем эту гору.

3

Как раздавались трудающиеся Шанхая, узнав, что на северо-востоке Китая Советская Армия разгромила японцев? Победа юаньской народной армии сблизилась совсем близко. Однако события развернулись не так, как ожидали рабочие. В Шанхай пришел прежний директор электростанции, американец Флинс. В первый же день он уволил большую группу рабочих. Его поддерживали штыки американских солдат и чанкайхинтов.

Флинс, привыкший считать чанкайхинтов,

¹ Китайцы, проживающие к северу от реки Янцзы.

² Уроженцы города Нинбо.

установил им по сравнению с иностранцами ничтожную зарплату. У многосемейных не хватало денег даже на покупку овощей.

Профессор потребовал от генерала выплатить зарплату рабочим. В ответ на это Флинс уволил всех членов профсоюзного комитета. Но рабочие не сладись, они подали к директору новую делегацию с еще более решительными требованиями.

— Зарплату плату увеличить не могу, — ответил Флинс. — Уволенные не будут восстановлены на работе. Можете жаловаться в горько-шанхайский прокурорский прокурорству.

Гоминдановские чиновники возмущались требованиями рабочих.

— Вы с ума сошли! Это же — предприятие наших союзников!

Ван Сюэ-хэ обошел цеха и рассказал товарищам о позиции городских властей. Все заволновались:

— Чего это за правительство? Американское или китайское?

— Ничего было и обращаться в это правительство! — сказала пожилой рабочий. — Давайте сами будем решать. Нас прикажут к берегу реки. Разве можно не снять ботинки?

23 января 1946 года началась забастовка. Она длилась почти две недели. Ни аресты, ни провокации не могли сломить волю рабочих. Бастующих поддержал весь пролетарский Шанхай.

Капиталисты вынуждены были пойти на уступки. Ветер пробирал в стенах щель...

4

Ван Сюэ-хэ женился на молоденькой девушке по имени Синь Юй-ян. Тихий и застенчивый была Аиан, как ласково называл ее Сюэ-хэ свою жену. Выросшая в белой рабочей семье, она не имела возможностей выучить даже и десяти иероглифов.

Как писал Ван Сюэ-хэ много читал. Он старался пристрастить к книгам, к знаниям и своему жене. Когда у них родился первенец, Юй-ян не бросила учебу. Если ребенок плакал, Сюэ-хэ говорил живее:

— Ты не беспокойся, учись, я присмотрю за девочкой.

Сам Сюэ-хэ начал в то время изучать русский язык. Он выписывал прогрессивную газету «Эпоха», издававшуюся в Шанхае на русском языке, а через полгода принял домой первую русскую книгу — «Как закалялась сталь».

Однажды вечером на город налетел тай-фун. Было уже за полночь, но бушевала, дождь непрерывно случал в окна. Ван Сюэ-хэ не было дома. Юй-ян тревожилась, то и дело открывала дверь и выглядывала на улицу. Но вот в окно ворвался холодный ветер: Ван Сюэ-хэ, приоткрыв дверь, остановился у порога. С его одежды струями стекала вода.

— Сегодня, — сказал он, — погиб Лиань-Джэн-да.

Сюэ-хэ закашлялся, лицо покраснело. Жена обняла его.

— Ты слишком перегустился.

— А-и, я не такой человек, чтобы меня смолгла усталость. Но может случиться, что враг убьют и меня...

— Зачем ты так говоришь? — воскликнула Юй-ян.

— Успокойся. Но это может случиться, и ты заранее должна быть готова...

Внешняя жизнь в Шанхае была такой же, как прежде. Но Ван Сюэ-хэ знал: город до предела измучен, дышит, как тяжелобольной.

С фронта шли радостные вести: чанкайхи-

Когда Ван Сюэ-хэ подводил к месту казни, он громко крикнул: «Гоминдановцы убивают честных людей! Гоминдановцы расстреливают патриотов!»

сты терпели одно поражение за другим. Но тем сильнее они спирелись в Шанхае. Их разведка внесла в черный список три тысячи фамилий. Каждую ночь арестовывали и расстреливали людей.

В феврале гоминдановские головорезы напали на рабочих завода «Шэнсиныэ». Было убито и ранено несколько сот человек. Ван Сюэ-хэ получил от партии задание организовать помощь рабочим завода.

На электростанции вспыхнул митинг.

— Я предлагаю, — сказал Ван Сюэ-хэ, — носить всем траур и сегодня же провести сбор пожертвований.

Гоминдановский агент Ван И перебил его:

— Помогать коммунистам? Это они начали стрельбу на заводе. Каждый, кто будет оказывать помощь, — тоже коммунист!

— Если помочь раненым окажутся коммунисты, — спокойно взорвался ему один из рабочих.

Рабочие, как всегда, поддержали Ван Сюэ-хэ.

Сразу же после митинга гоминдановские агенты собрались на свое собрание. На этом съезде возник подпольный план сопротивления. Деньги, будто бы по заданию Ван Сюэ-хэ, на рабочих насыпали в генератор железные опилки.

5

Утром 21 апреля 1948 года Ван Сюэ-хэ, как обычно, на своем велосипеде ехал на электростанцию. На улице Луччанлу его кто-то окликнул:

— Заглянем на общественные курсы, — сказал он, — охлаждайся. — Нужно срочно разрешить один вопрос.

Не успел Ван Сюэ-хэ закрыть за собой дверь, как два человека скрутили ему руки, веревкой и втолкнули в автомашину.

Ван Сюэ-хэ привезли в штаб Усун-Шанхайского гарнизона. Там его уже ждали. Около дверей стояли, поглядывая исподлобья, палачи. На стенах висели гравюры на тему борьбы с Японией.

— Назови известных тебе коммунистов! Кто руководит подпольной работой? — резко спросил он.

Ван Сюэ-хэ молчал.

— Ты будешь отвечать или нет?

Начальник штаба, убедившись, что все попытки запугать арестованного бесполезны, приказал палачам начать пытку.

Юношу привязали к скамье, положили ему на грудь кусок железа и начали сдирать кожу с него. Рабоч, потом жгли тело раскаленными прутьями. Было нестерпимо больно, с лица ка-

тился холодный пот. Но Сю-хэ не издал ни единого звука. Когда он потерял сознание, пальцы облили его холодной водой. Открыла глаза, юноша увидел, что над ним склонился какой-то человек.

— Кажется, Вам Сю-хэ? — наперевес громко сказал человек. — Эй вы, мерзавцы, что сделали? Как вы посмели пытать и казнить Сю-хэ?

Палачи подняли жертву и посадили на стул. С трудом подняв голову, арестованный увидел, что его «благодетель» не кто иной, как сам заместитель начальника общественного отдела городского управления Чжак Бань-фу. Он подошел к измученному юноше и, похлопав по плечу, сказал:

— Дорогой Вам Сю-хэ, я давно заметил, что у меня ведь замечательный сын. Если бы ты работал вместе с нами, разве мы не обеспечили бы тебе хорошее положение? Ты имел бы прекрасную квартиру, автомашину, долары...

Ван Сю-хэ молчал. Чжак Бань-фу взял юношу за руку и, показывая на лист бумаги, лежавший на столе, сказал:

— Ты должен подтвердить, что коммунистическая партия поручила тебе взорвать электростанцию.

Ван Сю-хэ пристально посмотрел в глаза Чжака Бань-фу и, не в силах сдержать вскипевшее недовольство, плоннул огнемагнитом.

Чжак Бань-фу побагровел и неистово заорал на палачей:

— Что вы стоите? Пытать!

После трех дней пыток Сю-хэ втюкнули в камеру военной тюрьмы. За порогом его подхватили под руки несколько человек. Это были товарищи по борьбе. Позже, придя в себя, юноша быстро подружился с ними. Одни из них оказались партизаном, остальные — студентами.

Ван Сю-хэ особенно сблизился с партизаном. Когда он рассказал своему новому другу о борьбе шанхайского пролетариата, тот коротко бросил:

— Юноша, мы победим!

Вокруг партизана переместились в другую камеру. А еще через несколько дней во дворе тюрьмы раздались громкие голоса. Все бросились к окну и увидели партизана. Он был на голову выше палачей, которые его окружали. На окнах юноши виделись темные пятна крови. Он взглянул на окна тюремы и, заметив товарищеских приближенных к решеткам, помахал им рукой.

Палачи увидели партизана за стену. Через несколько минут оттуда доносился мужественный голос: «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!» — и грянул залп.

Ван Сю-хэ отошел от окна и с грустью сказал как бы самому себе:

— Поехала еще одна боча...

И вдруг слух уловил песню в соседней камере. Очень знакомую песню. Ван Сю-хэ и его товарищи подхватили:

Мы сидим в тюрьме, но него нам бояться?
Мы крепки духом и тело.
Если угодом, — мы снова встанем
И будем идти вперед.

Теперь пели во всех камерах. Напрасно пытались неистовствовали — песня вырывалась из огромного черного здания тюрьмы и плыла над городом.

6

23 июня началась сессия специального суда. Председатель зачитал обвинительное заключение, составленное по ложным доказательствам по лицейским агентам.

Ван Сю-хэ не составило труда опровергнуть все обвинения. Он начал с того, что не знал, что такое «спецагент». Но и у них не оказалось ни одного сколько-нибудь убедительного доказательства вины Сю-хэ. Судьи смущенно переглядывались. Председатель послышалось объявление заседание закрытым.

Шанхай узнал о готовящейся расправе над Ван Сю-хэ. В городское управление и председателю специального суда полетели сотни писем с протестом против незаконного ареста юноши.

Через три месяца «специка» суда была исправлена. Следующее заседание специального суда начали при закрытых дверях. Ван Сю-хэ

знал, что ждет его. И юноша заслушал проповедь с редким самообладанием. Когда прозумевали страшные слова: «...к смертной казни», — он презрительно взглянул на судей. Быть может, в это мгновение вспомнился ему слова Федя Мазина из горьковского романа: «Что? Я не знаю ли для меня право судить вас? Нет, он не знает. Я не имею права судить вас!»

...На следующий день Ван Сю-хэ перенесли в одиночную камеру. Это была узкая щель, словно пробита в скале: мокрая, темная, глухая. Только в маленьком окончике, у самого потолка, проникал луч света и падал на столик, прокрепленный к стене. Ван Сю-хэ попросил у охранника бумагу, кисточку и туши. Дежурный охранник, который хорошо относился к заключенным и всегда старался выполнять их маленькие просьбы. Он принес несколько листов бумаги и кисточку, но писать доселе не смог.

— Это не бывает — сказал он.

Он сделал на левой руке надпись, смочил кисточку кровью и быстро набросал письмо товарищам. Потом начал писать ролльям:

«Папа и мама! Сегодня кончится мой жизни. Меня убьют за то, что я не мог терпеть несправедливость в нашем обществе. Я боролся и делал все, что должен делать честный человек».

Он писал спокойно, аккуратными, красивыми ноградами, и постепенно волнение все более овладевало им, и нограды становились неровными, размашистыми.

«Я хочу, чтобы...» — будто неистово перенесшего мого смерти. Но я прошу вас: не надо отговаривать меня. Меня осудили несправедливо, но смерть мои спасла. Лучше умереть, чем жить пред темпом народа».

Голова работала ясно, мысли рождались быстро и подгоняли кисть. Он снова и снова смачивал ее своей кровью.

«Я умру... И все-таки, что значит одна жизнь в сравнении с жизнью народа? Десятки тысяч честных и справедливых людей остаются живы. Они отомстят за несправедливые жертвы и смерти моего сына путем силы... Монх думал, младшего брата завязало то дело, за которое я борюсь. Пусто станет их делом. Я прошу их относиться к моей жене, как к своей родной сестре, и помочь ей воспитать моих детей».

Сю-хэ подписал письмо и, положив кисточку, прошелся по камере. Сколько времени осталось до казни? Может быть, день, а может быть, всего лишь несколько минут. Эхонки письма товарищам и родным, он как бы подвел четкую полку своей жизни.

Нет, надо успеть еще написать жене. Синь Юй-хуа уже не та рабыня девушкой, Ван Сю-хэ. Она стала настоящей женщиной, за что борется муж, и разделася его мысли.

«Порога жены А-ли,—начал писать Сю-хэ.—Я очень тебе благодарен, и мне очень жаль тебе...»

Вспомнились хлопоты жены, ходатайства, просьбы.

«Ты на меня потратила столько сил! Твои хлопоты не дали сейчас результатов. Но ни одно добро дело не пропадает бесследно.

Специальный суд несправедливо осудил меня, но я не буду сдаваться. Родители мало лидей в этом несправедливом мире жертвуют своей жизнью за правду! Разве мало людей оставляют своих детей в цене ради побега изнасилования? Ты не отгораешь и береги себя. Хорошо воспитай наших детей. Расскажи им, кем был их отец и за что простила с миром. Пусть они помнят от этого своим сердцем».

Прошу относиться к моим родителям, как к своим родным. Если встретишь хорошего человека на жизненном пути, пусть он будет твоим другом. Назови нашего будущего ребенка Пэй-мин!».

7

По городу разнесся слух, что Ван Сю-хэ будет казнен 27 сентября. Утромколо тюремы стоял собираться народ. С каждой минутой людей становилось все больше. Толпа разноголосо гудела.

Будут кто-то громко крикнуть:

— Мата Ван Сю-хэ!

Люди рассступились. Все увидели бедно одетую старуху, поддерживаемую под руку молодой беременной женщиной. Обе они плали.

1 Пэй — уважающий народ.

— Крепитесь, ваш сын и муж умирает за светлую правду! — говорили им.

Женщины шли, не видя от горя ничего перед собой. Толпа двинулась вперед за ними. Вдруг из коротких высокосиленных перепуганных гоминидновских офицер.

— Разойдитесь! Казнь сегодня не будет! — зареворил он.

Быстро народного гнева, палачи перенесли дверь казни. Ван Сю-хэ...

...Через три дня, 30 сентября, в камеру вошло несколько полицейских. Ван Сю-хэ приказал собираться:

— Тебя переносят в другую группу. Во дворе собралася несколько десятков человек. Судебный чиновник сказал:

— Ты имеешь последнее слово.

Ван Сю-хэ, смотревший его глазами полного презрения, отвечал:

— Я хочу, чтобы мое последнее слово, — заявил он, — слышали мои родные.

— Их нельзя здесь пристрековать, — ответил судебный чиновник. — Если хочешь что-нибудь сказать, говори нам: мы передадим.

— Да, — прервавший его Ван Сю-хэ...

— Я никого не верил вам!

Ван Сю-хэ заметил стоящих поодаль журналистов с фотоаппаратами и решил обратиться к ним:

— К сожалению, я не вижу заслуг моих близких, — начал он, — поэтому, господа журналисты, я хочу сказать несколько слов вам...

Полицейские переглянулись, но так как среди корреспондентов находились иностранцы, то они не решились прервать это своеобразную пресс-конференцию, которую в первый и последний раз в своей жизни устроил рабочий Ван Сю-хэ.

Они говорили об угнетении рабочих электростанции, об их голодной жизни, о произволе гоминидновских властей, о сабривированном пропагандой вложении обвинений.

Если бы действительны обвинения..., — закончил свою речь Ван Сю-хэ, — сообщите миру: гоминидновы душат Китай в смертельной петле...

Полицейский офицер крикнул:

— Прекрати болтовню!

К Ван Сю-хэ подскочил судебный чиновник и предложил ему поставить отпечаток своего пальца на приговоре.

— Не могу поставить! — ответил Ван Сю-хэ. — Я не могу поставить!

Палачи сняли с него приговор и насыпали пыль пальца к подошве ботинка и наложили на пальцы к губам Сю-хэ, чашку с антидотиками, чтобы перед смертью одурманиить его.

— Я не буду пить! Я не боюсь смерти! — сказал юноша. — Я хочу смигнуть глазами увидеть еще одно мое преступление!

...В 10 часов утра Ван Сю-хэ, подставив грудь осенниму ветру, пошел к месту казни.

Никто из журналистов не сообщил миру, что говорил перед самой смертью шанхайской рабочей. Но кто-то из них сфотографировал юношу-героя в последние минуты его жизни. Снимок этого сохранился. Он лежит на моем столе...

Вот Ван Сю-хэ стоит за перегородкой. Палач держит его за левую руку, правая скжата в кулак. На широком красном лице узбека — это Ван Сю-хэ проводит «пресс-конференцию»...

Ван Сю-хэ идет на казнь с высокой поднятой головой. Место казни близко. Вокруг Ван Сю-хэ полицейские палачи.

Ван Сю-хэ смотрит на журналиста, который его фотографирует, и делает ему свое последнее заявление...

...В тот же день в подпольной Шанхайской комитете Коммунистической партии Китая было доставлено предсмертное письмо юного коммуниста. «Плохи, борющиеся за справедливость, — писал он, — жалею вам счастья! Продолжайте бороться за великую правду. Наши будущие блестящие. Свет нас зовет. Только мы должны бороться изюс всех сил».

Дальше шла подпись: «Написано Ван Сю-хэ собственной рукой перед совершением незаконной казни».

КАК ПОСТРОИЛИ ДОМ

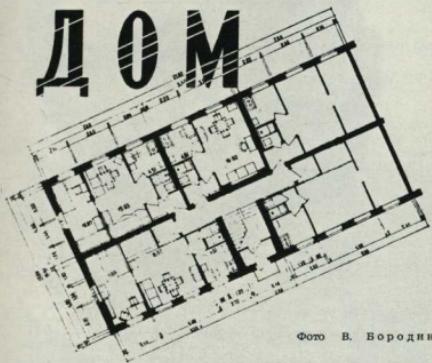

Фото В. Вородина.

Полтора года тому назад на Рабочей улице Северного поселка горьковских автомобилестроителей появился новый дом — дом № 11. Он сразу привлек к себе внимание. Он отличался от остальных зданий своего поселка тем, что рабочие раскрашивали его в цвета автомобилей гиганта на Волге. Сейчас уже не только в Горьком, но и в других городах нашей страны знают о том, что рабочие по своей инциативе, своими руками воздвигли для себя много жилых домов. Однако строительство первого дома на Рабочей улице представляется особенно интересным. О нем мы и хотим рассказать.

«САМЫЙ ТРУДНЫЙ ВОПРОС»

Двери кабинета начальника корпуса Петра Михайловича Чернеева всегда гостеприимно раскрыты. Сюда приходят за помощью, за советом, а то и просто, чтобы поговорить по душам. Однажды Петр Михайлович посодействует в получении дров, другому поможет устроиться с семьей в временном жилье, третьему установит таможенные рабочие, чтобы тот мог по вечерам посещать институт. Испытывал Петру Михайловичу затруднения лишь тогда, когда к нему обращались на счет жилья. Это был самый трудный вопрос.

Сотни людей работают в прессовом корпусе, а квартирами обеспечить ежегодно представлялось возможным лишь десять, от силы двадцать семью. Всю изобилий распределить жилье проблема так, чтобы никого не обидеть!

Но отказать, согласившись науважительные причины, легче всего, тем более, что таких причин действительно было сколько угодно. Петр Михайлович Чернеев, коммунист, ветеран завода, думал о другом: как бы найти выход из затруднений с жильем. И нашел один из них — самими строителями.

Будем строить сами!

Это предложение сразу нашло горячих сторонников. К начальни-

ку корпуса потянулись рабочие, выражавшие готовность принять участие в строительстве домов.

— Запишите нас с Чалковым, — сказал на другой же день после собрания слесарь Федор Емраков. Начальник корпуса улыбнулся. Он знал этих молодых рабочих еще рабочими. Их асегда можно видеть вместе, настонание говорящее.

— Мои руки тоже пригодятся, — заявил электрик Василий Пронин. — Сперва каменщиком поработаю, а когда до отделки дойдет, и основная специальность пригодится.

На заседании корпусного комитета профсоюза горюч обсуждали кандидатуры тех, кто будет послан строить дома. В список попали лучшие люди цеха: слесарь Коротков, Крючков, плотник Григорьев, и многие другие прессовщики. Двадцать четыре квартиры должно быть в запроектированном новом доме, и столько же фамильных занесли в список, утвержденный на рабочем собрании. Будущим строителям сказали:

Рабочие Горьковского автозавода грузчик Алексей Анохин и сборщик Никита Манзаса на строительстве нового дома трудаются на заправские каменщики. Они получат квартиры в этом доме!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ВЫРУЧКА

Петр Михайлович Чернеев не листал своих надежд, чтобы ему и его товарищам удался сравнимо быстро получить строительный участок, но все-таки он не представлял тех трудностей, с которыми с первого дня пришлось столкнуться прессовщикам.

— Есть у вас на заводе строительные организации? — спрашивали их коллеги. — Успеете, конечно, о землемерии упомянуть, о проектах, о фондах на строительные материалы, о банковских кредитах.

Спорить было бесполезно. В многочисленных конторах и управлениях города их встречали без всякого энтузиазма. Больше того, чинили препятствия.

И тогда прессовщики решили построить дом без специального разрешения.

Вот он, первый дом, построенный руками рабочих прессового цеха.

Прессовщики не давали покоя работникам заводского цеха железнодорожных изделий и шахтоблоков, требуя возврата материалов цеха строительным деталям:

— Завтра стройка начнется, а вы нас задерживаете!

— А как рассчитываться будете? — как бы между прочим спрашивали «поставщики».

— За нами не пропадает, расчеты имеются!

— А куда доставлять материалы?

Как раз на этот вопрос застройщики и не могли ответить. Они еще сами не знали, где будет строить дом.

Но пот сочлился так, что жилищно-коммунальное управление завода решило снести три барака. Тут-то и сказали свое слово прессовщики:

— Давайте один из этих бараков нам. Мы его подремонтируем. Разрешение было получено. Но прессовщики не думали ремонтировать барак. Они разобрали его до основания и на этом месте стали воззидать новый дом, который «умышленно» от старого только номер и таким образом приобрел все законные права.

Началась закладка фундамента. Земляные работы приходилось производить вручную, а тут еще, как назло, случилась беда: котлован, который начали рвать, хлынула вода из колодца. Прессовщики дружно взялись за возвведение дамбы. На помощь строителям пришла молодежь.

Вопрос об участии молодежи в строительстве специально обсуждался на комсомольском собрании корпуса, а спустя два дня, воскресенье, десятки молодых прессовщиков вооружились носилками, лопатами, тачками. И дамба была насыпана! Воду, затопившую котлован, удалось полностью выкачать помойкой, которую смонтировали слесари под руководством механика корпуса Бориса Николаевича Журавлева. Вскоре строители закочинили закладку фундамента.

Дом строили для двадцати четырех семей. Но весь колектив корпуса считал делом чести принять участие в строите этого первого дома на Рабочей улице.

Вспомнила об этих горячих днях, комиссар Роберт Банав, ставший теперь председателем профсоюзного комитета, говорит:

— Все четыре месяца нашей работы на строительной площадке представляются мной одиннадцатью субботником — с такими увлечением трудились люди. никто из нас, казалось, не чувствовал усталости.

Быстро выросли серые шлакобетонные стены, вслед за ними появилась перекрытия, скаты крыши. И вот уже вплотную встал вопрос о кровельном железе. А где достать его? Но выход был найден: Кто из инженаторов стройки подсказал Петру Михайловичу Чернисеву:

— К нам в цех приходят детали в металлической упаковке. Давайте распаковать эти упаковочные листы. Лучшего кровельного материала и не подумаем!

Так и сделали. И теперь первый дом, построенный собственными силами, радует глаз добродушной, прочной крышей.

Много трудились здесь коммунисты Юрий Крестов, Алексей Корсаков, Николай Наумов, члены комсомольского бора Ева Машкова, Галина Васильева, Владимир Сазонов и его тезка наладчик Вагин. Часто звенела на лесах песня:

Что ни улица — странница
Нашей славы трудовой!..

ПОЧИН ПРЕССОВЩИКОВ ПОДХВАТИЛИ ДРУГИЕ ЦЕХИ

Дом получился на славу! Не только для тех четырех семейств, но и для всех. Здесь получили квартиры старший инженер дека Григорьев, техник Кортков, который оставил на время церквию доску, вместе с другими прессовщиками трудящиеся на строительной площадке. Живут, наконец, под одной крышей и неразлучные друзья Федор Ермаков и Геннадий Чалков...

Построенный руками рабочников прессового цеха, дом успел стать городской достопримечательностью. Взглянуть на него приезжают из Москвы, Минска, из Ленинграда, Подольска, из Челябинска и Свердловска...

— Этот дом, — заявил техник бакинского завода имени лейтенанта Шмидта, побывавший в нескольких квартирах, — пример того, чего можно достичь, когда берешься за дело с душой, когда не боишься трудностей.

За последнее время неподалеку от первенца прессовщиков выросло около трех десятков домов, построенных коллективами других цехов автозавода.

ВЕЛИКАЯ СИЛА — ИНИЦИАТИВА!

Начинание горьковчан получило горячее одобрение и поддержку по всей стране. Еще с большим энтузиазмом за дело Петя Михайлович Чернисев, его друзья, когда прочитали в рапорте на заседании кабинета Пленума ЦК КПСС о том, что партия призывает широко использовать инициативу трудящихся, ведущую к повышению темпов жилищного строительства.

Нарастающим размахом сооружение жилых домов силами самих рабочих выдвинул необходимость применения индустриальных методов на строительных участках. Горьковчане настоячиво требуют, чтобы быстрее был пущен завод стеклоблоков, чтобы он сразу обеспечил их в достаточном количестве стеклоблоками, перегородками, перекрытиями и кровлями.

Если для дома № 11 на Рабочей улице требовалось не так уж много строительных материалов, то для шестидесяти пяти домов, которые решено построить в поселке имени Парышева, понадобится 16 тысяч кубометров железобетонных изделий, 600 тысяч штук силикатного кирпича, 1 миллион 200 тысяч штук блоков...

Чтобы сблизить время и силы, автомобилестроители начали широко применять на работах по возведению домов подъемники, бетономешалки, транспортеры.

— Мы стараемся как можно лучше использовать имеющуюся технику, а кое-какие машины со зданиями смысли. Правда, это трудней, чем, например, наладить изготовление легкого литья и отлитых батарей в литьевом цехе. Но при желании всего можно добиться, — говорят инженеры.

А желания есть! Каждый из многотысячного коллектива автомобилестроителей стремитсянести в это дело свою посыльный вклад.

Великая сила — инициатива!

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ЦИФРЫ

Только в течение этого года автозаводы получат 20 тысяч квадратных метров жилой площади. Цифра довольно впечатляющая, если сопоставить ее с площадью первого дома прессовщиков, которая составляет всего 400 квадратных метров.

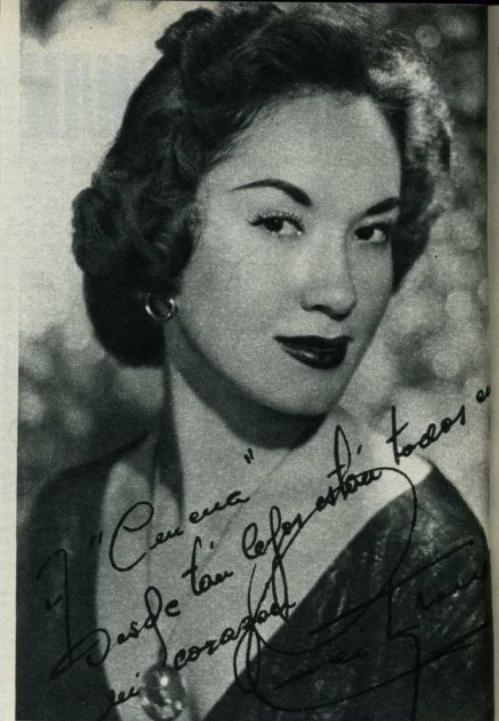
Кроме 65 жилых домов, будут построены школа, два детских сада, магазины, ателье. Близ новостройки возводятся и цветы, плодовые деревья и цветы. Городок выделен для этого каждого рабочей семьи участок в 150 квадратных метров.

Первый дом прессовщикам придется строить без чертежей, без планов. А теперь в распоряжении цеховых строителей литья типовых проектов жилых зданий.

* * *

Опыт горьковчан становится достоянием многих заводских коллективов страны. Это и с табличкой «Бюро по строительству», именуемую сапогами, и с табличкой «Бюро по строительству будущего» в ближайшем будущем появятся улицы городов. Горьковчане автозаводы к концу пятилетки воздвигнут 300 таких домов для 4 тысяч семей. Но дом № 11 на Рабочей улице всегда будет долгим горьковчанам, как память о большом, полезном начинании.

И. ЛЕМБЕРИК

Редакция получает много писем с просьбой рассказать на страницах журнала о жизни и деятельности известной аргентинской певицы и киноактрисы Лолиты Торрес. «На экранах многих городов с большим успехом демонстрировался фильм «Воздух под ногами» — пишет из Тулы студентка Маргарита Ти-мофеева. — Не только мне, но и многим моим подругам понравилась талантливая певица Лолита Торрес. К сожалению, мы знаем об этой артистке очень мало. Поэтому мы в вашем журнале хотим небольшую статью о ней. Думаю, что к моей просьбе присоединится и другие читатели «Смены».

Мы попросили журналистку Хорхе Греко, гостившего не так давно в СССР и собирающегося поехать в Буэнос-Айрес, встретиться с Лолитой Торрес, взять у нее интервью, а также передать ей привет от наших читателей. Ниже мы публикujemy репортаж о встрече с Лолитой Торрес и ее ответы на вопросы корреспондента.

— Улица Уругвай, три тысячи тринадцать пятьдесят один, — сказал я шоферу такси...

Советского читателя, возможно, удивит, что такая многозначочная фраза, означающая номер дома, Но, конечно, в Буэнос-Айресе, это в порядке вещей.

Когда мы подъезжали к дому № 3351, расположенному в одном из красавицких уголков аргентинской столицы, то увидели шумную толпу горожан. Что здесь происходит? Может быть, многолюден собрание? Нет, совсем не то. В этом здании, которое известно в Буэнос-Айресе под назва-

нием «Радио сплендид», через два часа будет петь Лолита Торрес. Чтобы многочисленные поклонники и поклонницы киноактриски имели возможность не только слышать, но и видеть ее, микрофон, перед которым она выступает, устанавливается не в изолированной комнате, а в небольшом концертном зале. Но так как зал рассчитан на пятьсот мест, то количество зрителей, то пускуют туда только по специальным пропускам. Билеты, Тех же, кому не поспалась получить их, терпеливо ждут на улице появления своей любимицы, чтобы по-

«МОЕ СЕРДЦЕ С ВАМИ»

пишет Лолита Торрес читателям «Смены»

просить у нее на память автограф.

Зная, что перед каждым выпуском личным делом Лолите Торрес обычно интересны зрители, я и мои коллеги-представители ее таланта собираются у подъезда «Радио сплендида» задолго до начала передачи. Я тоже приехала сюда пораньше, ибо услышалась встретиться с артисткой перед началом репетиции.

Ждяте мне пришло недолго. Вдруг толпа зашевелилась, раздалось лязгание краинок и скрежет машины. Въехал Лолита Торрес. Когда я наконец удалился вываться из плотного колыча осязанных ее юношеской и девушеской, мы прошли с ней в репетиционный зал, где между нами произошел следующий разговор:

— Прежде всего, — сказала я, — позвольте мне передать вам привет от сотен советских людей, с которыми я познакомился, когда гостил в их стране. Охотно бы выразить вам свою приятительность и поклонять новых успехов. Кстати, известно ли вам, какой популярностью вы пользуетесь в Советском Союзе?

— Да, кое-что я слышала от моих соотечественников, побывавших в СССР, а также от русских баскетболистов, посетивших не так давно Буэнос-Айрес... А

теперь я, в свою очередь, хочу задать вопрос вам: для какого журнала вы берете эти интервью?

— Для «Смены». Знаком ли вам этот журнал?

— Да. Несколько раз просматривала его. Едва он регулярно приходит в Буэнос-Айрес.

Я решила задать Лолите Торрес несколько вопросов, касающихся ее артистической деятельности.

— Давно вы начали петь?

— Когда мне было одиннадцать лет, я стала петь в коридорах, пела по радио. Вскоре после окончания второй мировой войны я совершила концертную поездку по Южной и Центральной Америке.

— Тогда вы еще не снимались в кино?

— Нет, еще не снимались. Как раз тогда я получила много предложений. Но все это было не то, что я хотела. И лишь мой первый дебют в кино состоялся лишь в 1950 году. Причем мне удивительно повезло: я получила главную роль.

— Сколько с того времени вышло фильмов с вашим участием?

— Однинадцать.

— И всегда испытывали в них первые роли?

— Да.

— Какая из сыгранных ролей вам больше всего нравится?

— Та, которую я играла в фильме «Невеста в коледже».

— Довольны ли вы вашей по-

следней работой? Я имею в виду вашу роль в картине «Невеста

двоих женихов».

— Очень довольна. Дело в том, что я хочу не только петь в кино, но и играть. Это хорошо понимает режиссер Лоло Флайдер. Участие в этих советских фильмах доставило мне большое творческое удовлетворение.

— Известно ли вам, что исполненные вами песни очень любят в Советском Союзе?

— Конечно.

— Не думаете ли вы включить в свой репертуар русские песни?

— Я бы была счастлива сделать это. Но пока не могу, потому что не понравятся ли мое исполнение русских песен советским слушателям.

Затем я спросила Лолиту Торрес, какая музыка ей больше всего нравится. На это она ответила:

— Любая музыка, если только она отражает чувства и настроения народа. Вот почему меня так привлекают народные мелодии. Но это вовсе не значит, что классическая музыка остается для меня на втором плане. Я, например, преисполнена перед гением Бетховена.

— А из русских композиторов кого Вы больше всего любите?

— Чайковского и Шостаковича. Я также понтируется с личной жизнью артистки и, заручившись

ее согласием, задал такой вопрос:

— Соответствуют ли действительности пропагандируемые в некоторых журналах сообщения о вашем, если можно так выразиться, «сердечном увлечении»?

— Это вымысел. До настоящего времени мое единственное увлечение — искусство.

— В таком случае, — спросила я, — не исключено, что вскоре моя мама может стать не обязательно аргентинец, но и, скажем, советский юноша?

— А почему бы и нет?.. Но, выйдя замуж, я уже не смогу целиком посвящать себя тому, что является моим призванием и что создало меня известье. Брак налагает на супружеские серьезные обязанности. Став матерью, приходится воспитывать детей, и тогда остается очень мало свободного времени для служения искусству...

Наш разговор подходил к концу, и перед тем, как уйти, я спросила мою собеседницу:

— Если верить слухам, вы, кажется, отменили свою поездку в Советский Союз?

— Ни в коем случае! Я только отложила ее. Как вам известно, сейчас заканчиваются съемки фильма «Грешно плясать», в котором я участую. Кроме того, со мной заключили контракты еще несколько фирм. Так что у меня просто нет сейчас свободного времени. Однако надеюсь, что еще в этом году советские зрители

Лолита Торрес в фильме «Любовь с первого взгляда».

смогут побывать на моих концертах у себя на родине. Пока же прошу передать читателям «Смены» вот это...

Лолита Торрес протянула мне одну из своих последних фотографий.

— Передайте еще читателям «Смены», — сказала я прощанье артистке, — что, несмотря на разделяющее нас далекое расстояние, мое сердце с вами.

Это слова она тут же написала на снимке.

— Разрешите поблагодарить вас

от лица читателей «Смены», — сказала я, похмив ее руку. — До скорого свидания, Лолита Торрес!

Хорхе ГРЕКО

г. Буэнос-Айрес.

Во время поездки по Аргентине советские кинооператоры И. Бессарабов, С. Гусев и Д. Насин посетили студию «Сона-Фильм» в Буэнос-Айресе, где встретились с Лолитой Торрес и другими деятелями аргентинского кинематографа.

Кадр из нового фильма.

Случай в столовой

Студенческая столовая ничем не блистала: ни чистотой, ни выбором блюд.

Студенты остроили:

— Меня запускается у нас в серийное произ-

водство сразу на целый месяц.

Обеды отличались здесь одной трафаретной особенностью: суп подавалась таким же китайским и жаждинами, что и можно было пить вместо чая, чай имел привкус супа, а «мясные биточки» назывались мясными без всяких излишков оснований. Никто, кроме студентов, столовой не интересовался.

Директория института занималась учебными и административными делами, профком собирал аспирантские взносы и развивал художественную самодеятельность, а комитет комсомола занимался воспитательной работой. Районный трест столовых тоже не уделял студенческой столовой никакого внимания.

Действовали сами студенты.

Почти единогласно они требовали жалобную книгу. Их жалобы были лаконичны, но суровы.

В просте столовых забесконечны: столовая выдвинулась по жалобам на первое место. Надо было что-то предпринять!

Наконец решили: студенты — народ культурный и каверзный, к нему нужен интеллигентный подход, а посему нужно послать в столовую умственно подкованного заведующего.

Новый заведующий энергично взялся за дело. Голые стены столовой были украшены репродукциями картин, офицанткам получили наряднейшие кокосники. Однако во самом пищеблоке не было предвидено.

На самом видном месте в обеденном зале звездообразный поясок огромным, художественно исполненным плакат с изображением знаменитого врача древности Гиппократа:

Кто хочет в старости быть здоровым,
Тот должен меньше есть в юности!

Перед стендом сразу выросла толпа. Заведующий столовой, наблюдая за молодыми людьми, усмехнулся: «Подействовало!» Плакат действительно произвел громадное впечатление на студентов. Они тут же потребовали жалобную книгу и, обращаясь к «мудрому» заведующему столовой, написали:

Напиши слова Гиппократа!
Не пригрозят тебе, бюрократа!

В. БРОДОВ

Комсомольский патруль по борьбе с хулиганством за-
— Ты заходи спасиба,— добро скомандовал старший па-
трауль,— ты слева, ты же посмотри, чтобы он не убежал,
а я скажу за милиционером.

Рисунок взят из стенгазеты «Самосвал»
(Московский автодорожный институт).

РЕПКА

(Сатирическая сказка)

Посадили однажды Репку на первый курс института. Как и кто ее посадил, неизвестно, потому что на промежуточных экзаменах Репка с треском провалилась.

Сколько тянули ее, и сколько, но на второй курс так вытащили ее, и не смогли. Ни на две руки, а трех: Репка пала, надо сказать, на одну министрскую.

Клинический Репку на помощь двери курса перетащили. Поморщились в докторах, но все же простили.

Прощаясь еще год, Никак не растет Репка! Клиническая тогда пала на помощь дирекции института. Поморщились в дирекции, и так же из года в год. И коллегия гаишников, и так же из года в год. И коллегия гаишников поморшились Репку.

Вытаскивали она из института с дипломом и работала стала. Глянула тут на нее все и ахнули: до чего же низкодушны и бесполезны!

Р. КЛЕВАКИН

Свинья

В помойной нечисти свинья —
«Хро-про» — к моему подходит
И трет ее боком, об меня.
При всем честном народе,
Костом чудесной белизны.
(То было дело в мае)

Стал в грязных плащах,

распинись,
И стал вдруг неузнанным,
И в шуту свою свинью помыл:
Моя, вон отсюда, дура!
Но кто же сладким голосом
Промолвил: «Эх, культурал
Ужель повздорил нельзя,
Полоскав сказать ей,
«Не програйте меня, свинья,
Испачкаете платье?»

Иных не ясно до сих пор,
Что, встретясь со скотиной,
Веди короткий разговор
Без вежливости чинной.

Алексей МАРКОВ

Г. Тбилиси.

Молодой поэт и сердце читателя...

Рис. художника Массина.

Дама

Рисунок страницы Е. Гурова

Цена номера
2 руб.

